

Следствие ведет Эва Дамас...

НОРА

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

РОБЕРТС

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ!

ИЛЛЮЗИИ

Ева Даллас

Нора Робертс

Иллюзия

«ЭКСМО»

2012

Робертс Н.

Иллюзия / Н. Робертс — «Эксмо», 2012 — (Ева Даллас)

Лейтенант Ева Даллас вынуждена взяться за новое расследование. В баре, расположенном в центре города, произошла настоящая бойня, и начали ее сами посетители. Выжившие утверждают, что внезапно почувствовали ярость, что видели чудовищ и рой пчел. Ева подозревает, что в воздух был распылен неизвестный наркотик, но зачем кому-то понадобилось устраивать весь этот хаос? Ко всему прочему владельцем заведения оказался муж Евы, Рорк. Возможно, это просто совпадение, но Ева намерена найти злоумышленников до того, как они сделают следующий ход. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Нора Робертс

Иллюзия

Бедность жсляет многого; жсадность – всего.
Публилий Сир

Деньги без чести – болезнь.
Бальзак

Nora Roberts

Delusion in Death

© Nora Roberts, 2012. This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Убийственно пронизывающий ветер гнал по городу холодный ноябрьский воздух и, как будто множеством мелких острых зубов, прокусывал до костей. Она забыла перчатки, однако это даже было к лучшему, так как в противном случае ей, скорее всего, пришлось бы испортить еще одну дорогую пару при осмотре места происшествия.

За неимением перчаток лейтенант Ева Даллас засунула озябшие руки в теплые карманы пальто и взглянула на труп.

Тело женщины лежало на нижних ступеньках небольшой лестницы, которая вела в квартиру, расположенную на цокольном этаже. Еве достаточно было посмотреть на характерный поворот головы трупа, чтобы без помощи судмедэксперта уверенно сказать, что у женщины сломана шея.

По прикидкам Евы, пострадавшей было лет сорок пять. Без пальто, почему-то подумала Ева, хотя какое значение для несчастной мог иметь теперь пронизывающий ноябрьский ветер? Деловой стиль одежды: пиджак, водолазка, брюки, хорошие туфли на невысоком каблуке. Наверное, модные, но в этом лучше разбирается ее коллега, детектив Пибоди, которая должна была тоже вот-вот прибыть на место происшествия.

Никаких украшений, по крайней мере, таких, которые бы бросались в глаза. Нет даже браслета.

Ни сумки, ни портфеля, ни пакета.

На ступеньках нет никакого мусора, на стенах отсутствуют обычные граффити. Ничего, только мертвое тело, прислоненное к стене.

Ева обернулась к женщине-полицейскому, приехавшей на вызов.

– И что же здесь произошло, по вашим сведениям?

– Звонок поступил в двенадцать минут третьего. Мы с напарником находились в двух кварталах отсюда. Вели круглосуточное дежурство. Ровно через две минуты мы уже были здесь. Владелец здания, Брэдли Уайтстоун, и некая Альва Муни стояли на тротуаре. Уайтстоун заявил, что они не входили внутрь. По словам хозяина, в настоящее время дом находится на ремонте и пустует. Они обнаружили тело, когда Уайтстоун привел Муни осматривать квартиру.

– В два часа ночи?

– Да, лейтенант. Они заявили, что весь вечер провели в ресторане, потом заходили в бар. Даже в несколько, лейтенант.

– Понятно.

– Они сидят у моего напарника в машине.

– Я побеседую с ними позже.

– Мы сразу поняли, что жертва мертва. При ней не было никаких документов. Также не было украшений, сумки и пальто. Нам сразу бросилось в глаза, что у нее сломана шея. Кроме того, есть еще несколько признаков насилия: синяк на щеке, разбитая губа. Похоже на нападение грабителей. Но... – Женщина слегка покраснела. – Но что-то тут не так.

Последняя его фраза заинтересовала Еву, и она кивком попросила продолжить.

– Потому что?..

– К ней ведь не просто подбежали и вырвали из рук сумочку. Посмотрите, на ней нет пальто. Значит, его с нее сняли. На все это нужно время. И если убитая упала или ее столкнули с лестницы, то почему она лежит здесь, прислонившись к стене, а не на нижних ступеньках? Сейчас она не видна с тротуара. Больше похоже на то, что ее сюда специально подбросили, лейтенант.

– Не хотите ли вы поступить на работу детективом в отдел убийств, Терни?

– Простите, лейтенант, если влезла не в свое дело.

– Ну что вы, все в порядке. Но она вполне могла упасть с лестницы, неудачно приземлиться и сломать себе шею. Нападавший бежит за ней, оттаскивает ее к стене, где она будет не видна с улицы, снимает с нее пальто и все остальное.

– Да, лейтенант.

– Я согласна с вами, что все равно что-то здесь не так. Однако простого ощущения нам недостаточно. Оставайтесь здесь. Скоро подъедет детектив Пибоди.

С этими словами Ева открыла свой рабочий саквояж и достала из него специальные перчатки и бахилы, предназначенные для осмотра места преступления.

В здешней части нью-йоркского Ист-Сайда царила тишина. По крайней мере, в ночные часы. В большинстве квартир и магазинных витринах не было света. Все закрыто, даже бары.

Конечно, где-нибудь на расстоянии нескольких кварталов отыщется какое-нибудь работающее питейное заведение для полуночников, но слишком далеко отсюда, чтобы рассчитывать найти в нем свидетелей.

Полиция обязательно проведет опрос местных жителей, однако шансов обнаружить кого-то, кто мог видеть, что тут произошло, было совсем немного. В такой жуткий холод с колючим, пронизывающим ветром любой нормальный человек будет сидеть в четырех стенах, предпочитая домашнее тепло и уют каким бы то ни было уличным развлечениям.

Что, собственно, делала и Ева до того, как ей позвонили, – лежала, свернувшись калачиком, рядом с Рорком.

Вот какую награду получаешь за то, что выбрала профессию полицейского, подумала Ева, а в случае с Рорком – за то, что выбрал жену-полицейского.

Ева спустилась по ступенькам и вначале осмотрела дверь в дом, затем проследовала к трупу и присела на корточки рядом с ним.

Да, убитой примерно лет сорок пять. Светло-каштановые волосы, зачесанные назад. Небольшой синяк на правой щеке, засохшая кровь на рассеченной губе. Мочки на обоих ушах проколоты, значит, если на ней были сережки, то преступник аккуратно снял их, а не торопливо вырвал.

Приподняв руку женщины, Ева обратила внимание на ободранное запястье. Что-то вроде содранной мозоли, подумала она, прежде чем прижать палец правой руки женщины к идентификационному устройству.

«Марта Дикенсон, – выдало оно. Пол – женский, раса – смешанная, возраст – сорок шесть лет. Замужем за Дензелом Дикенсоном. Двое детей и квартира в Верхнем Ист-Сайде. Работает в бухгалтерской компании «Брюер, Кайл и Мартини», расположенной в восьми кварталах отсюда».

Пока Ева просматривала информацию, ветер разметал ее короткие волосы. Она забыла надеть шапку. В ее темно-карих глазах, почти такого же цвета, что и волосы, застыло сосредоточенное выражение настоящего исследователя. В этот момент она не думала о муже, детях, друзьях, семье. Единственное, что ее занимало, – это мертвое женское тело, лежащее перед ней; его положение, место и время смерти – без десяти одиннадцать вечера.

«И что же ты здесь делала, Марта, холодной и мрачной ноябрьской ночью на расстоянии нескольких кварталов от своего офиса и дома?»

Ева осветила фонариком брюки женщины и обратила внимание на синие нитки на черной ткани. Осторожным движением, при помощи пинцета она положила две нитки в прозрачный пакетик, черкнув записку для «чистильщиков».

И тут у себя над головой она услышала голос Пибоди, задавшей какой-то вопрос, и ответ патрульного полицейского. Ева выпрямилась. Когда она повернулась к Пибоди лицом, кожаное пальто колоколом поднялось вокруг ее стройной высокой фигуры. Коллега, громко стуча каблуками, спускалась по ступенькам.

Пибоди не забыла надеть шапку, захватила с собой и перчатки. Розовая – о господи, розовая!!! – лыжная шапочка с нахального вида помпоном закрывала ее темные волосы и верхнюю часть лица до самых глаз. Разноцветный шарф был несколько раз обмотан вокруг шеи поверх плотного пальто темно-синего цвета. Под цвет лыжной шапочки были подобраны и розовые мокасины, которые, по мнению Евы, Пибоди не снимала никогда, даже в постели.

– Как ты можешь передвигаться при таком количестве одежды?

– Я кое-как добралась до метро, а потом от метро пришла сюда, но зато не замерзла. Жуть! – На лице Пибоди промелькнуло выражение искреннего сочувствия. – На ней даже нет пальто.

– Кажется, ей безразлично. Марта Дикенсон, – начала Ева излагать Пибоди наиболее существенные факты. – Она по какой-то причине оказалась довольно далеко от своего офиса и от дома. Возможно, Дикенсон как раз возвращалась с работы домой, но почему она не поехала на метро, особенно в такой вечер, как сегодня?

– Да, странно... Дом, как я вижу, сейчас на ремонте. Пустой. Очень удобно, правда? И лежит она в самом углу. Ее не нашли бы до утра.

– Но разве обычный уличный грабитель стал бы все так тщательно продумывать? Еще одна странность, к которой, в принципе, можно добавить и другую: откуда он узнал, что этот дом пустует?

– Возможно, он здешний, – предположила Пибоди. – Или один из тех, кто ремонтирует дом.

– Не исключено. Надо хорошенько осмотреть помещение, но вначале побеседуем с теми, кто вызвал полицию.

– Вызывать «чистильщиков»?

– Пока не надо.

Ева поднялась по ступенькам, подошла к патрульной машине. Не успела она сделать знак полицейскому, сидевшему в машине, как из нее вылез какой-то мужчина.

– Вы занимаетесь этим? – спросил он срывающимся голосом. Чувствовалось, что нервы у него на пределе.

– лейтенант Даллас, – представилась Ева. – А вы мистер Уайтстоун?

– Да, это я...

– Вы вызвали полицию.

– Да. Как только обнаружили... ее. Она была... Мы были...

– Вы владелец этого дома?

– Да.

Очень привлекательный мужчина, едва за тридцать. Уайтстоун сделал глубокий вдох и выдохнул облачко пара. Когда он заговорил снова, его голос звучал уже спокойнее и увереннее.

– На самом деле здание принадлежит мне и моим компаньонам. В целом мы владеем восьмью помещениями – на третьем и четвертом этажах.

Он перевел взгляд на верхние этажи дома. На парне тоже нет шапки, подумала Ева, только шерстяное пальто строгого черного цвета и черный шарф в красную полоску.

– Мне лично принадлежит квартира на первом этаже, – продолжил Уайтстоун. – Сейчас мы занимаемся ремонтом и со временем сможем перевести сюда наш бизнес, на первый и второй этажи.

– В чем же он заключается? Ваш бизнес?

– Финансовое консультирование. «Группа WIN». По первым буквам наших фамилий: Уайтстоун, Ингерсол и Ньютон.

– Поняла.

– Я должен был жить в квартире на первом этаже. По крайней мере, так планировалось. Я не...

– Может быть, вы расскажете мне, как провели прошлый вечер? – намекнула Ева.

– Брэд! – донесся женский голос.

– Посиди в машине, Альва. Там тепло.

– Я больше не могу сидеть.

Из машины выскользнула холеная блондинка в меховом манто и кожаных сапогах на тонких высоких каблуках.

Она подошла к Уайтстоуну, и он взял ее под руку.

Выглядят как пара с журнальной фотографии, подумала Ева. Оба красивые, хорошо одетые и напуганные.

– Лейтенант Даллас, – Альва протянула руку Еве. – Вы меня не помните?

– Нет, не помню.

– Мы пересеклись секунд на пять на празднике Большого Яблока прошлой весной. Я – член организационного комитета. Но это не имеет значения, – добавила она, покачав головой, и ветер вздыбил, казалось, целый ярд ее шикарных пышных волос. – Чудовищно! Несчастливая женщина. Они даже не остановились перед тем, чтобы сорвать с нее пальто. Не знаю, почему меня особенно потряс именно этот поступок, но в нем есть что-то исключительно подлое.

– Кто-нибудь из вас прикасался к телу?

– Нет, – ответил Уайтстоун. – Мы поужинали в ресторане, потом пошли в бар чего-нибудь выпить. В «Ки Клуб», он всего в нескольких кварталах отсюда. Я рассказывал Альве, чем мы тут занимаемся. Ее заинтересовала моя болтовня, и тогда я решил провести для нее небольшую пешую экскурсию. Моя квартира уже почти отремонтирована, поэтому... я уже достал свой ключ и хотел набрать код, когда Альва вдруг вскрикнула. Я даже не заметил ее, лейтенант... ту женщину. Не видел, пока Альва не закричала.

– Она лежала в самом углу, – добавила спутница Уайтстоуна. – Вначале, когда я закричала, я подумала, что она просто спит, решила, что это какая-то местная бродяжка. Я не поняла... а потом до меня дошло. Мы все поняли...

Она прижалась к Уайтстоуну, и он обнял ее за талию.

– Мы не прикасались к ней, – сказал он. – Я подошел ближе, но уже было видно... было ясно, что она мертва.

– Брэд хотел, чтобы я зашла в квартиру, – там было тепло, но я не согласилась. Я не могла сидеть в теплом доме, зная, что она лежит на холодной лестнице. Потом очень быстро приехала полиция.

– Мистер Уайтстоун, я хотела бы попросить у вас список ваших партнеров и людей, работающих на ремонте здания.

– Да, конечно.

– Как только вы передадите мне требуемую информацию и оставите ваш адрес и телефоны моей коллеге, вы будете свободны и сможете отправиться домой. Мы с вами свяжемся.

– Мы можем идти? – переспросила Альва.

– Да, пока да. Мне нужно только ваше разрешение на то, чтобы пройти внутрь здания.

– Ну конечно. Все что угодно. У меня есть ключи и коды, – начал он.

– Спасибо, не нужно. У меня есть все необходимое. Если у нас возникнут какие-то проблемы, я дам вам знать.

Когда Ева повернулась, чтобы идти к дому, ее окликнула Альва:

– Лейтенант, когда я встретила вас в прошлый раз, я подумала, что то, что вы делаете, восхитительно. В определенном смысле. Как «Дело Айкоув». И что из этого мог бы получиться великолепный фильм. Тогда мне ваша работа показалась такой романтической. Но теперь я вижу, что ошибалась. – Альва украдкой глянула в сторону открытой двери, в проеме которой была видна лестница. – У вас очень тяжелая и мрачная работа.

– Это просто работа, – ответила ей Ева и быстрым шагом направилась к дому. – Опрос местных жителей мы проведем утром, – сказала она Терни. – Вряд ли мы чего-то добьемся от них, если разбудим в такое время. Пустует все здание, не только это помещение. Проследите, чтобы свидетели прошли туда, куда нужно. Какой у вас участок, Терни?

– Сто тридцать шестой.

– А ваш начальник?

– Сержант Гонсалес, лейтенант.

– Если вы хотите поучаствовать в опросе свидетелей, я решу с ним этот вопрос. Будьте здесь в полвосьмого.

– Слушаюсь, лейтенант!

Ева спустилась по лестнице, отключила коды и вошла в помещение на первом этаже.

– Зажгите весь свет, – приказала она и обрадовалась, когда повсюду включился свет.

Жилое пространство, которое она определила на глазок, так как в нем еще не было мебели, было очень большим. Стены – те, которые уже успели покрасить, – были похожи на свежие бутерброды с маслом, а полы – те, что не были покрыты брезентом, – сияли густым темным лаком. Материалы и инструменты, аккуратно сложенные по углам, свидетельствовали об активно ведущейся работе.

Судя по всему, здесь все делается профессионально и ответственно – все, до мельчайших деталей.

Но с другой стороны, почему же в таком случае брезент в этом месте лежит так криво, в отличие от всех остальных кусков, и обнажает обширный участок сверкающего пола?

– Как будто кто-то поскользнулся на нем или с кем-то боролся, – сказала Ева, проходя по нему, затем отсканировала ширину и длину участка и расправила брезент.

– Здесь остались брызги краски, но...

Она присела, вынула фонарик и осветила брезент.

– Вообще-то, это больше похоже на кровь. Несколько капель.

Ева открыла сумку, взяла образец и отметила место для «чистильщиков».

Затем прошла дальше, в просторную прямоугольную кухню, еще более светлую и сияющую благодаря яркому защитному брезенту.

К тому времени, когда Ева закончила свой первый обход – главная спальня, ванная, вторая спальня или кабинет и еще одна ванная, – пришла Пибоди.

– Я уже начала проверку свидетелей, – сказала она. – Дамочка, с которой ты разговаривала, явно при деньгах. Возможно, не при таких, как у Рорка, но она может себе позволить суперское пальтишко и классные сапоги.

– Да, тут уж не ошибешься.

– И он тоже вполне состоятельный мужик. Деньги во втором поколении, но и сам лично зарабатывает. У него было открытое акционерное общество, правда, десять лет назад. Она занимается спидингом. У нее масса спидинговых билетов, в основном в Хэмптон и из Хэмптона, где она живет.

– Ты же знаешь, что значит доехать до Хэмптона. Твое мнение, Пибоди?

– Хорошая работа, внимание к мельчайшим деталям, деньги тратятся разумно и со смыслом. И источник денег достаточно крупный и стабильный, чтобы их можно было тратить на по-настоящему хорошую работу и внимание к деталям. И...

Размотав пару ярдов своего шарфа длиной в милю, Пибоди подошла к месту, отмеченному Евой.

– Что здесь, на брезенте? Кровь?

– Брезент смят гармошкой, как коврик, это бывает, когда на нем кто-то поскользывается. Все остальные куски лежат довольно ровно.

– На стройке случается всякое. И кровь иногда проливается. Но...

– Вот именно: но! Кровь на брезенте и мертвое тело на лестнице. Губа у трупа рассечена, а на брезенте засохшая кровь. Немного крови, поэтому ее вообще могли не заметить, особенно из-за того, что брезент смялся.

– Думаешь, они принесли ее сюда? – Нахмурившись, Пибоди оглянулась на дверь. – Я не заметила никаких признаков взлома, но проверю еще раз.

– Дверь действительно не взламывали. Возможно, открыли с помощью отмычки, но на это надо время. Скорее всего, они знали код, или же у них было хорошее электронное устройство для считывания кодов.

– Итак, подводя некоторый итог, можно сказать, что мы имеем дело не с простым уличным ограблением.

– Нет. Все несколько сложнее. Он явно не слишком умен. Я имею в виду убийцу. Если он достаточно силен, чтобы сломать ей шею, зачем бить ее? У нее синяк на правой щеке и губа разбита.

– Возможно, он просто толкнул или пнул ее.

– Не думаю, это уж совсем глупо. Пощечина? Мужчина дает пощечину женщине, если хочет ее унизить, а пинает, если зол, пьян и вообще если ему наплевать на то, какой вред причинит ей его удар и будет кровь или нет. Бьет наотмашь, когда хочет причинить боль, запугать. Судя по характеру удара, он действительно бил наотмашь.

Действительно, женщину ударили в лицо с такой силой, что и сейчас можно было заметить следы.

– Возможно, он достаточно умен и сдержан, чтобы не начать зверски избивать ее, – продолжала Ева, – но недостаточно умен, чтобы прибрать за собой и не оставить следов. Недостаточно умен, чтобы забрать с собой испачканный брезент. У основания правой ладони у нее содрана кожа, а на брюках – синие нитки, не исключено, что от коврика в машине.

– Ты считаешь, что кто-то схватил ее и затолкал в машину?

– Вполне возможно. Нужно же было как-то доставить ее сюда, в это пустое здание. Преступник достаточно хитер, чтобы снять с убитой все ценные вещи, включая пальто, – симитировать ограбление. Но зачем же в таком случае оставлять обувь? Хорошие туфли. Выглядят они совсем как новые. И если вы грабитель, который не побоялся потратить время на то, чтобы снять с нее пальто, то зачем же оставлять на ней туфли?

– Если он доставил ее сюда, значит, ему нужно было уединение, – заметила Пибоди. – И время. На изнасилование не похоже. В противном случае зачем нужно было ее потом снова одевать?

– Она, по-видимому, шла либо на работу, либо с работы.

– С работы, – решительно заключила Пибоди. – Проверяя сведения по ней, я получила сообщение о том, что ее муж позвонил в полицию. Он заявил, что жена не пришла домой с работы. Она работала допоздна, но на сей раз вообще не вернулась с работы. По его словам, уходя из офиса, она говорила с ним по телефону, и это было вскоре после десяти часов вечера.

– Довольно много сведений для такого короткого сообщения, особенно относительно женщины, которая на несколько часов задерживается с возвращением домой.

– Мне тоже показалось, здесь что-то не то, поэтому я решила его проверить. Его зовут Дензел Дикенсон. Он младший брат судьи Дженнифер Янг.

– Да, ничего себе, – выдохнула Ева. – Дело становится все более запутанным.

– Я тоже это почувствовала.

– Вызывай «чистильщиков», Пибоди, и отметь происшествие как дело первостепенной важности. Если начинаешь заниматься гибелью невестки судьи, нужно надежно прикрыть задницу.

Ева задумчиво взъерошила волосы. Она собиралась заехать в офис погибшей, осмотреть дорогу, почувствовать характер местности, затем вернуться тем же путем и, прежде чем

отправиться домой к Дикенсон, сделать все необходимые измерения, оценить время, предпочтительное направление и так далее. Но теперь...

– Муж, наверное, вот уже несколько часов подряд беспокойно меряет шагами квартиру. Нам придется пойти и сообщить ему печальную новость.

– Как же мне не нравится это делать, – пробормотала Пибоди.

– В таком случае тебе, может быть, стоит подыскать какую-нибудь другую работу.

* * *

Пентхаус Дикенсонов с садом на крыше считался лучшим из четырех пентхаусов одного из самых шикарных жилых зданий Верхнего Ист-Сайда. Построенное из серого камня и стекла, оно высокой и величественной стеной окружало район, где тротуары и парки были царством нянь с детьми и довольных жизнью господ, церемонно выгуливающих собак.

Ночной охране потребовалось подтверждение данных на Еву и Пибоди, что вызвало у Евы немалое раздражение.

– Лейтенант Ева Даллас и детектив Делия Пибоди. – Она поднесла к монитору на посту охраны свой жетон. – Нам необходимо переговорить с Дензелом Дикенсоном. Пентхаус «В».

– Пожалуйста, сообщите точную цель вашего визита, – произнес вежливый компьютерный голос.

– Она вас не касается. Отсканируйте наши жетоны и пропустите.

– Мне очень жаль, но пентхаус «В» в течение ночи находится под особой охраной. Для доступа в здание и в любое его помещение требуется разрешение управляющего, кого-то из владельцев квартир или официальное подтверждение экстренной необходимости.

– Послушай меня, кусок ослиного дерьма, мы – сотрудники полиции! Отсканируй наши жетоны и пропусти нас. В противном случае я потребую немедленно выдать нам ордера на арест управляющего, руководителя охраны и владельцев дома по обвинению в препятствии отправлению правосудия. И к утру вы все уже будете сидеть в куче собственного дерьма.

– Неприемлемый стиль общения нарушает...

– Неприемлемый стиль общения? О, у меня для вас припасен такой неприемлемый стиль общения, что вы быстро забудете разницу между приемлемым и неприемлемым. Пибоди, свяжись с Шер Рео из отдела административных решений и попроси ее начать процедуру выписки ордеров на арест всех упомянутых лиц. Мы посмотрим, как им понравится то, что их в столь позднее время вытащат из теплых постелей и в наручниках отвезут в Центральное отделение только потому, что этот оловянный компьютерный идол отказывается впустить в здание офицеров полиции.

– Успокойтесь, лейтенант.

– Пожалуйста, предоставьте ваши жетоны для сканирования, положите для проверки ладонь на планшет.

Ева одной рукой подняла жетон, а другую с силой опустила на планшет.

– Откройте замки. Сейчас же!

– Идентификация подтверждена. Доступ разрешен.

Ева быстрым шагом вошла в открывшуюся дверь, проследовала по облицованному черным мрамором вестибюлю к сияющим белизной дверцам лифта. Из двух стоявших по бокам вазонов высотой в человеческий рост при ее приближении появились два ярко-красных колючих цветка.

– Пожалуйста, подождите здесь, пока мистер и/или миссис Дикенсон будут поставлены в известность о вашем приходе.

– Иди-ка к такой-то матери!..

Не обратив ни малейшего внимания на слова робота, Ева прошла прямо в лифт. Пибоди поспешила следом за ней.

– Пентхаус «В», – произнесла Ева в микрофон. – И только попробуй не послушаться, кланусь, я на мелкие кусочки разнесу твою материнскую плату!

Как только лифт начал мягкий подъем, Пибоди облегченно выдохнула.

– Ты меня развлекла.

– Ненавижу, когда мной понукает бездушная электроника.

– На самом деле тобой понукает программист.

– Да, ты, конечно, права. – Ева прищурилась. – Ты чертовски права. Не забудь напомнить мне, что нужно обязательно найти того, кто программировал этого наглого киберподонка.

– Ну что ж, будет еще одно развлечение. – Однако, как только лифт остановился, радостная улыбка исчезла с лица Пибоди. – А вот здесь нас ожидают отнюдь не развлечения.

Они прошли в пентхаус «В». Здесь еще больше всяких средств охраны и оповещения, отметила для себя Ева. Планшеты для сканирования рисунка руки, потайные глазки, камеры.

Она нажала на кнопку звонка.

– *Привет!*

Ребенок, подумала Ева и на мгновение смутилась.

– *Мы Дикенсоны.* – Голоса менялись, как во время переключки: мужской, женский, девичий, мальчишеский. – *Дензел, Марта, Аннабель, Зак.* – Затем залаяла собака.

– *А это Коди,* – сообщил мальчишеский голос. – А вы кто такие?

– Э-э... – Не зная, что ответить, Ева поднесла свой жетон к видеокамере.

Она видела, как красная сканирующая черта скользит по нему. Мгновение спустя раздался традиционный компьютерный голос.

– Идентификация проведена и подтверждена. Минуту, пожалуйста.

Еще одно мгновение спустя цвет сенсора сменился с красного на зеленый.

Дверь им открыл мужчина в форменных штанах морской пехоты, в серой футболке и поношенных кедах. Вьющиеся волосы над усталым потемневшим лицом очень коротко острижены. Глаза цвета горького шоколада на секунду расширились, а затем наполнились ужасом. И прежде чем Ева успела что-то сказать, ужас у него в глазах сменился горем.

– Нет. Нет. Нет. – Он опустился на колени и схватился за живот, словно кто-то ударил его под дых.

Пибоди сразу же опустилась на корточки рядом с ним.

– Мистер Дикенсон.

– Нет, – продолжал повторять он, когда в комнату вбежал дог размером с шетлендского пони. Дог оценивающе взглянул на Еву. Та сразу же вспомнила о своем станнере. Но собака отвернулась от нее, завывала и засеменяла к хозяину.

– Мистер Дикенсон, – заботливым тоном затараторила Пибоди. – Позвольте мне помочь вам. Давайте я помогу вам сесть в кресло.

– Марта. Нет. Я знаю, кто вы такие. Я знаю вас. Вы – Даллас. Офицер полиции, занимающийся убийствами. Нет!

Жалость все-таки победила страх перед громадной собакой, и Ева тоже присела рядом с Дикенсоном.

– Мистер Дикенсон, нам надо побеседовать.

– Не говорите этого. Не говорите! – Он поднял голову и с безнадежным отчаянием в глазах взглянул на Еву. – Пожалуйста, только не говорите.

– Мне очень жаль.

Он не выдержал и заплакал. Обхватив собаку, стоя на коленях и покачиваясь из стороны в сторону, Дикенсон рыдал.

Но сказать это все-таки было нужно. Даже несмотря на то, что все уже ясно, произнести это необходимо. Для оформления документов и для него самого.

– Мистер Дикенсон, мне очень жаль, но я должна сообщить вам, что ваша жена погибла. Мы выражаем вам глубокое соболезнование в связи с постигшей вас утратой.

– Марта... Марта... Марта... – Он повторял ее имя, словно какое-то заклинание или молитву.

– Может быть, к вам кого-нибудь пригласить? – тихо спросила Пибоди. – Вашу сестру? Или кого-то из соседей?

– Как? Как?

– Давайте все-таки сядем, – предложила Ева и протянула ему руку.

Несколько мгновений Дикенсон непонимающим взглядом смотрел на Еву, потом протянул ей дрожащую руку. Он был довольно высокого роста и хорошо сложен. Женщинам пришлось вдвоем взяться за него, чтобы помочь встать. Он поднялся и некоторое время стоял, покачиваясь, как пьяный.

– Не могу... Что?..

– Давайте сядем. – Пибоди провела его в просторную и ярко освещенную гостиную, в которой чувствовался уют счастливого семейства. Повсюду были разбросаны детские вещи и игрушки.

– Я принесу вам воды, хорошо? – спросила Пибоди. – Может быть, вы хотите, чтобы я связалась с вашей сестрой?

– Дженни? Да. Свяжитесь с Дженни.

– Замечательно. Посидите здесь.

Дикенсон опустился в кресло, и дог тут же положил свои здоровенные лапы и громадную голову ему на колени. Пока Пибоди искала кухню, Дикенсон обратился к Еве. Слезы продолжали струиться у него из глаз, но первое потрясение уже прошло.

– Марта... Где Марта?

– Сейчас ее осматривают судмедэксперты.

Ева заметила, как при этих словах Дикенсон дернулся, но продолжила:

– Они о ней позаботятся. Мы о ней позаботимся. Я понимаю, как вам сейчас тяжело, мистер Дикенсон, но мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Скажите мне, как... Вы должны объяснить мне, как все произошло. Она не вернулась домой. Почему она не вернулась домой?

– Именно это нам и предстоит выяснить. Когда вы общались с ней в последний раз?

– Мы с ней разговаривали примерно в десять часов. Она работала допоздна и позвонила, выходя из офиса. Я посоветовал ей вызвать такси. «Вызови такси, Марта». В ответ она назвала меня паникером. Мне не хотелось, чтобы она добиралась до дома на метро или долго стояла на улице, пытаясь поймать такси. Ведь сегодня так холодно.

– Она поехала на машине?

– Нет. Она посмеялась надо мной. Сказала, что прогулка до метро пойдет ей на пользу. Большую часть дня она, не отрываясь, сидела у компьютера. Кроме того, она... она... она хотела сбросить пять фунтов. О боже! Боже! Но что произошло? Несчастный случай? Нет, конечно, нет. – Дикенсон покачал головой. – Вы же занимаетесь убийствами. Кто-то убил Марту. Кто-то убил мою жену, мою Марту. Но за что? За что?

– Вам известен кто-либо, кто был настроен негативно по отношению к ней?

– Нет. Конечно, нет. Никто. Никогда. У нее не было никаких врагов.

В комнату вошла Пибоди со стаканом воды.

– Ваша сестра с мужем скоро приедут.

– Спасибо. Ее ограбили? Я ничего не понимаю. Если бы кому-то понадобилась ее сумочка, ее драгоценности, она бы отдала их. Решив остаться в городе, мы дали друг другу

обещание, что никогда не будем рисковать. Ведь у нас дети. – Рука со стаканом снова задрожала. – Дети... Что я им скажу? Как я смогу им про это рассказать?

– Ваши дети дома? – спросила Ева.

– Да, конечно. Они спят. И они будут ждать ее, когда проснутся и станут собираться в школу. Она ведь всегда рядом с ними, когда они собираются в школу.

– Мистер Дикенсон, вы извините меня, но я должна задать вам этот вопрос. С вашим браком все было благополучно?

– У нас не было никаких проблем. Я – адвокат. Моя сестра – судья в уголовном суде. Я понимаю, вам нужно проверить меня. Ну что ж, проверяйте. – Его глаза снова наполнились слезами. – Послушайте... Делайте, что хотите, но скажите, что случилось с моей женой. Что случилось с Мартой?

Быстрее, подумала Ева. Нужно сделать это быстро и коротко.

– Ее тело нашли сегодня в третьем часу ночи у нижних ступенек лестницы в здании, расположенном на расстоянии примерно восьми кварталов от ее офиса. У нее была сломана шея.

Дикенсон шумно выдохнул, затем сделал судорожный вдох.

– Она не могла уйти так далеко. По крайней мере, не ночью и не одна. И она не упала, в противном случае вас бы здесь не было. Ее... ее изнасиловали?

– При первоначальном осмотре мы не обнаружили никаких признаков сексуального насилия. Мистер Дикенсон, вы не пытались связаться с женой после своего последнего разговора с ней и до нашего приезда сюда?

– Я звонил на ее номер чуть ли не через каждые пять-десять минут. Начал я, наверное, где-то около половины четвертого, но она не отвечала. Но раньше она никогда не допускала, чтобы я так переживал. Я знал... Минутку. – Он с трудом поднялся на ноги. – Минутку, – повторил он и выбежал из комнаты.

Дог какое-то время смотрел ему вслед, затем осторожно подошел к Пибоди и поднес лапу к ее колену.

– Может быть, собаке хуже, чем всем остальным, – пробормотала Пибоди и, как могла, постаралась успокоить животное.

Глава 2

Ева поднялась с дивана, решив пройтись по комнате, чтобы снять накопившееся напряжение и получше прочувствовать характер жилища Дикенсонов.

Повсюду фотографии в рамочках. Семейные снимки, большей частью демонстрирующие Марту Дикенсон в самые счастливые дни ее жизни с мужем и детьми. Снимки детей: серьезная и красивая девочка, еще только на подступах к переходному возрасту, и хорошенький мальчуган с заразительным обаянием, голос которого встретил их сегодня у дверей.

Картины... В основном пейзажи, среди них много морских – все в приглушенных, спокойных тонах. То искусство, которое понимают и любят обычные люди, подумала Ева.

Ничего излишне яркого и помпезного ни в произведениях искусства, ни в обстановке. Приоритетами для Дикенсонов были уют и удобство для детей.

И, возможно, для собаки. В целом для всей семьи.

Все в доме говорило об очень больших деньгах. Не слишком навязчиво и отнюдь не демонстративно, но достаточно недвусмысленно.

Огонь в камине пылал так же, как и на одном из снимков в окружении рождественских подарков, детей и больших красных цветов, традиционного праздничного украшения. Настоящий камин с настоящими дровами.

Дикенсон не позволяет погаснуть огню в домашнем очаге, подумала Ева и тут же с грустью напомнила себе, что это не помогло ни ему, ни его жене.

– Очень просторная гостиная, – заметила Ева как бы между прочим.

– Двое детей и такая громадная собака. Им нужен простор.

– Да, наверное. Дома в пригороде у них нет, поэтому они решили соединить здесь все его плюсы с плюсами городской квартиры. Он – адвокат в адвокатской конторе, я правильно помню?

– Да, и ее совладелец. «Граймс, Дикенсон, Харли и Шмидт».

– Постоянно задаюсь вопросом: почему все адвокатские конторы сразу же можно узнать по их названию? На чем он специализируется?

Пибоди пыталась удержать на коленях одновременно и планшет, и голову собаки.

– На земельной собственности и на налоговом законодательстве. В общем, на денежных делах.

– Как и наши основные свидетели. Интересно. Надо посмотреть, нет ли какой-нибудь связи между Дикенсоном с его фирмой и Уайтстоуном с компаньонами.

– Фирма Дикенсона занимает два этажа в... здании Рорка. Там находится ее основной офис.

– Еще один лакомый кусочек недвижимости.

– Явных пересечений между ним и свидетелями нет, но, возможно, у них есть общие клиенты.

– Я почти уверена в этом.

Ева замолчала, услышав звук открывающейся входной двери.

В комнату быстрым шагом вошла судья Дженнифер Янг. Заметив Еву, она чуть не споткнулась, и на какое-то мгновение – всего лишь на мгновение – показалось, что она как-то неожиданно обмякла. Но практически тут же расправила плечи, и на лице застыло непроницаемое выражение. Янг сразу же проследовала к Еве, оставив позади мужчину довольно хрупкого телосложения с восточной внешностью.

– Лейтенант.

– Судья Янг. Позвольте выразить мои соболезнования.

– Спасибо. Как мой брат?

– Ему нужно было уединиться.

Судья Янг понимающе кивнула.

– Дэниел, это лейтенант Даллас и детектив Пибоди. Познакомьтесь, мой муж, доктор Янг.

– Как дети? – спросил доктор Янг. – Они знают?

– Дети спят. Не думаю, что им что-то известно.

Дог уже успел отбежать от Пибоди и, помахивая хвостом, как плетью, стал ластиться к судье и ее мужу.

– Все в порядке, Коди, хороший мальчик. Сядь. Ну сядь же.

Поразительная женщина со смуглой гладкой кожей, темными глазами слегка навывкате и с репутацией жесткого и бесстрашного профессионала, судья Янг погладила дога по голове. Нежно погладила.

– Мне необходимо поговорить с Дензелом. Я знаю, у вас к нему много вопросов и времени всегда в обрез, но я займу всего несколько минут... – Она осеклась, увидев вошедшего Дикенсона. На его опухшее от слез лицо было больно смотреть.

– Дженни. О боже, Дженни. Марта.

– Я знаю, дорогой, я знаю.

Она подошла к нему, обняла.

– Кто-то свернул ей шею.

– Что? – Судья обхватила его лицо обеими руками. – Что ты сказал?

– Мне сказали, что кто-то свернул ей... Почему я не сумел заставить ее взять такси? Мне следовало самому позвонить, чтобы за ней прислали машину.

– Тише, успокойся. Пойдем со мной. Сейчас мы ненадолго пройдем в другую комнату. Обопрись на меня, детка. Дэниел.

– Да, конечно. – Янг повернулся к Еве. – Может быть, сварить кофе?

Ева знала: сейчас она может что угодно отдать за чашку кофе, но ей не хотелось терять время.

– Нет, спасибо. Все в порядке. Вы были дома, когда Дензел позвонил вашей жене?

– Да. Около полуночи, и он уже тогда был страшно встревожен. Марта не отвечала на его звонки, и прошло уже почти два часа с того времени, как она должна была вернуться домой. К тому моменту он уже связался с ночной службой безопасности. Где-то около десяти они занесли ее в свой список. Он позвонил и в полицию, но вы же знаете, как нерасторопна бывает полиция в случае подобных звонков: жена долго не возвращается домой. Поэтому он и стал звонить сестре в надежде на помощь.

– Насколько я понимаю, миссис Дикенсон редко задерживалась допоздна?

– Да, в общем, не часто. По крайней мере, в подобных случаях она всегда предупреждала Дензела. Старалась не нервировать его по пустякам. Так же, как и он ее. Мы сразу поняли, что что-то случилось, но я, конечно, не мог и предположить... Только не то, что произошло.

– Вы хорошо знали миссис Дикенсон?

– Извините, не могли бы мы сесть? Мне как-то тяжело. Я... – Он опустил в кресло. – Мне не по себе.

– Вам принести воды, доктор Янг?

Он улыбнулся Пибоди.

– Нет, не надо, спасибо. Вы спросили, насколько хорошо я знал Марту, – сказал он, снова поворачиваясь к Еве. – Я знал ее очень хорошо. Мы – настоящая семья, а для Дженни, Дензела и Марты семья – это все. Моя жена всегда была очень близка с братом. Дети... – Он бросил взгляд в сторону лестницы. – Я очень беспокоюсь о детях. Они ведь еще так малы для подобной трагедии, и для них сегодня детство в каком-то смысле закончится.

На мгновение он закрыл глаза.

– Вы, наверное, хотите узнать об отношениях Дензела и Марты? Я женат на адвокате – и судье – уже тридцать шесть лет, – добавил Янг, тяжело вздохнув. – Но я понимаю, что невозможно продолжать расследование без четкого ответа на этот вопрос. И я могу вас заверить, что они любили друг друга. Очень любили. Они были хорошей, счастливой семьей. Были ли у них размолвки и даже ссоры? Да, конечно. Но они очень подходили друг другу, как бы составляя единое целое, если вы понимаете, что я имею в виду. Выбирая себе спутника жизни, они оба сделали самый правильный в жизни выбор. Им очень повезло.

– Вам известен кто-либо, кто хотел бы причинить вред ей или через нее Дензелу?

– Нет, никого такого я не знаю. – Доктор Янг отрицательно покачал головой. – И, честно говоря, вообще не могу представить. Они оба счастливы и успешны в своей работе, у них хороший круг надежных друзей.

– Но у адвокатов часто появляются враги, – заметила Ева.

– Так же, как и у судей. Я прекрасно это понимаю. Но ведь Дензел занимается проблемами недвижимости, в основном налогообложением и финансами. Он не участвует в процессах, не занимается уголовными делами или семейным правом, то есть тем, что чаще всего накаляет человеческие страсти. У него чисто бухгалтерская профессия.

– Кстати, Марта ведь тоже была бухгалтером?

– Да, и поэтому они фактически говорили на одном языке, – подтвердил Янг, и у него на лице появилось слабое подобие улыбки.

– И у них были общие клиенты?

– Да, время от времени.

Он встал, когда в комнату вошел Дикенсон.

– Дженни варит кофе. Она просила... просила вас подойти к ней на минутку, лейтенант.

– Хорошо.

Ева бросила взгляд на Пибоди, та ответила кивком.

– Мистер Дикенсон, могу я задать вам еще несколько вопросов? – начала Пибоди, как только Ева вышла.

Ева прошла по коридору. Затем проследовала еще через одну комнату с такой же изысканной и в то же время удобной мебелью, которая на сей раз концентрировалась вокруг большого телевизионного экрана. На полках были расставлены фотографии, различные сувениры и шкатулки.

Эта комната плавно переходила в обширную столовую с темным лакированным столом, на котором стояла большая синяя ваза с белыми цветами. Из столовой Ева прошла на кухню. Шкафы из темного дерева и светло-серая стойка. Оконная ниша с мягкими стульями вокруг стола, за которым, как заключила для себя Ева, семья обычно обедала. Другое окно украшали многочисленные горшочки такого же синего цвета, как и ваза на столе, в которых росли, как показалось Еве, всевозможные целебные травы.

Судья Янг стояла посередине кухни и расставляла на подносе толстые синие кружки.

– Мой брат никогда не сможет с этим смириться. Они познакомились в колледже и сразу влюбились друг в друга. Поначалу я не одобряла его решения жениться на ней. Мне хотелось, чтобы он прежде, чем связывать себя серьезными отношениями с кем бы то ни было, закончил юридический факультет, получил необходимые для будущей профессии знания и по-настоящему устроился в жизни.

С этими словами она открыла буфет и достала сливочник.

– Я на десять лет старше Дензела и всегда о нем заботилась. Хотел он того или нет. – Судья Янг едва заметно улыбнулась. От этого тяжелые мешки у нее под глазами стали еще заметнее.

– Но Марте очень скоро удалось завоевать мое расположение. Знаете, я ее очень любила. Как свою младшую сестру.

Ее опухшие и покрасневшие глаза наполнились слезами еще до того, как она успела открыть сияющий белизной холодильник и достать оттуда сливки. Несколько мгновений сестре Дикенсона понадобилось на то, чтобы успокоиться.

– Они завели детей не сразу. Вначале сосредоточились на своем браке, потом делали карьеру, но, когда у них наконец появились дети, дочь и сын сделались центром их жизни. Ну, конечно, Дензел и Марта не стали профессиональными родителями. Они очень любили свою работу и многого в ней достигли, зато свободное время полностью отдавали семье. Равновесие, которому многие могут позавидовать. Дензелу его теперь уже никогда не восстановить.

Судья Янг поставила сливочник на поднос, а рядом с ним – подходящую по цвету сахарницу.

– Я все это вам рассказываю не без причины, – продолжила она после короткой паузы. – Я знаю, что вы будете собирать информацию о моем брате. Супруг всегда становится первым подозреваемым. Я дам вам список их друзей, соседей, коллег по работе и начальства. Прислуги – нянь и уборщиц. Всех, кого вы захотите допросить.

– Буду вам очень признательна за это. И еще нам нужен будет тот телефон, по которому он связывался с ней. Нам также придется посмотреть и другие электронные устройства и средства связи. Нашу работу ускорило бы разрешение на обыск квартиры, автомобилей и его офиса.

– Дензел вам даст такое разрешение. Он сделает все, о чем вы его попросите. Но я не могу подписать этот ордер. Я попрошу другого судью выдать и подписать его. Он не должен исходить от меня. И я попрошу вас только об одном: чтобы вы проводили обыск в отсутствие детей. Я скажу Дензелу, чтобы на завтрашний день он отвез детей к нам.

– Хорошо.

– Прощу вас, скажите, что вам уже известно?

– Мне очень жаль, но в данный момент я не могу сообщить подробности. Вы должны это понимать. Могу только сказать: создается впечатление, что на нее напали уличные грабители, которые по какой-то причине действовали слишком жестоко. Я полагаю, что у нее была сумка или портфель.

– Сумка-портфель. Коричневая кожаная сумка с ремнем через плечо и с серебряной инкрустацией. Дензел подарил ее Марте пять лет назад, когда она получила это место. У нее было также обручальное кольцо, она всегда его носила. Кольцо из белого золота, отделанное узором из сердечек. И браслет, который мы с Дэниелом подарили ей на сорокалетие. И то, и другое застраховано. Мы можем представить вам фотографии и описания.

– Да, мне бы это очень помогло.

– Вам, наверное, понадобится финансовая информация о них обоих. У каждого есть индивидуальные счета, но большая часть средств у них общая. Мы предоставим вам всю необходимую информацию. Вы должны знать, что Дензел не мог причинить Марте никакого зла.

– Судья Янг...

– Вы должны выполнить свою работу, и выполнить ее хорошо. И как можно скорее вычеркнуть его из числа подозреваемых. Но ведь вы сами все прекрасно понимаете. Вы умны, вы профессиональны, вы осторожны, и, я полагаю, у вас отличная интуиция. Мне не надо просить вас сделать для Марты все, что в ваших силах, потому что вы сделаете все сами, без моих просьб.

Тут ее голос дрогнул, и она замолчала на мгновение, прижала пальцы к глазам и сделала несколько глубоких вдохов.

– Не так давно, – начала судья Янг, – в разговоре с Дэниелом я мрачно пошутила. Иногда в нашем положении ради спокойствия близких людей мы вынуждены вышучивать тот риск, на который идем в своей профессии. И вот я пошутила, заметив, что если бы кто-то из тех подонков, которых я засадила в тюрьму, выполнил свои угрозы в мой адрес, я хотела бы, чтобы расследование моей смерти вели вы. «Добейся, чтобы следователем была Ева Даллас», – ска-

зала я ему. И я вам клянусь, что если бы вы сами не занялись делом Марты, я бы задействовала все связи, которые имеются в моем распоряжении, чтобы вас поставили главным следователем по ее делу. Я хочу, чтобы вы и детектив Пибоди нашли того, кто это совершил, кто убил прекрасную женщину, кто отнял ее у моего брата и у ее детей. У нас... О боже!

На мгновение она замолчала. По ее телу пробежала дрожь, и судья Янг закрыла лицо руками.

– О боже! Я должна взять себя в руки, я не имею права распускаться.

Судья Янг опустила руки, явно делая над собой усилие.

– Если не Моррис сейчас занимается ею... ее телом, я имею в виду – ведь он обычно работает с вами, – то пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы ее передали именно ему. Пожалуйста. Прошу вас.

– Хорошо. Я позабочусь об этом.

– Значит, я не буду беспокоиться за нее. Вот пока и все, о чем я хотела попросить вас.

– Вы случайно не знаете, какое пальто было на ней?

– Пальто?

– Когда ее нашли, на ней не было пальто. И если принимать во внимание сегодняшнюю погоду...

– О господи! – Судья Янг судорожно потерла виски. – В такой день, как сегодня, Марта, наверное, надела бы свое длинное серое шерстяное пальто. Серое, с темными рукавами и черными пуговицами. Ну и, конечно, шарф. Она всегда носила шарфы, у нее была целая коллекция шарфов. Не уверена, что смогу вспомнить даже половину из них. Возможно, Дензел помнит.

– Мы спросим его об этой подробности немного позже.

– А теперь простите, мне нужно посмотреть, в каком состоянии находится мой брат. Дети... – Она осеклась и с шумом втянула в себя воздух. – Детям уже скоро вставать.

– Мы не будем вам мешать.

– Спасибо. Я предоставлю вам все необходимое, как только смогу. Если вам понадобится что-то еще, свяжитесь со мной.

* * *

Когда они вышли на улицу, на востоке уже занималась заря. Пибоди прижала пальцы к глазам, как это делала судья Янг.

– Тяжело, ох, как тяжело, – сказала Пибоди.

– А насколько тяжелее станет, когда проснутся дети... – Ева протянула коллеге целлофановый пакет, в котором находился телефон Дензела.

– Я отвезу тебя в управление. Свяжись с Макнабом и скажи ему, пусть не сидит сложа руки, а сразу же начинает работать. Я хочу, чтобы он проверил телефон.

Ева открыла дверцу машины и села за руль.

– Я попросила Харпо, самопровозглашенную королеву по части волос и волокон, проанализировать состав волокон на брюках жертвы. Хочу увидеть результаты. Янг похлопочет о выдаче ордера на обыск. Квартиры, автомобилей, офисов. Пусть детективы Кармайкл и Сантьяго займутся этим, как только будут получены ордера, но пусть прежде удостоверятся, что в доме нет никого из членов семьи. Детей перевезут к судье Янг.

Машина рванулась вперед и направилась к центру.

– И нужно, чтобы Кармайкл собрал группу для опроса возможных свидетелей. Он найдет патрульную Терни на месте преступления в полвосьмого. Свяжись с сержантом Гонсалесом в сто тридцать шестом и сообщи ему, что я прошу его назначить Терни на это дело. Я почувствовала, что у нее хорошая интуиция. В ней сидит маленькая Пибоди.

– Да? – выдохнула Пибоди, но тут же надулась. – Она?..

– Только не начинай засыпать меня вопросами о том, хорошенькая ли у нее попка, миленькое ли личико, какие у нее ноги и что там еще тебе может прийти в голову. Прими это как данность.

– Я вообще не думала о ее попке, – пробормотала Пибоди. – Но вот теперь думаю.

– Мне нужны также данные по электронике. Как только нам пришлют информацию по страховкам, я бы хотела получить сведения по ее одежде, обручальному кольцу, браслету. И пальто. Немного позже мы еще раз побеседуем с мужем, посмотрим, помнит ли он серьги и шарф, который, по словам Янг, был на жертве. Начни осмотр рабочих мест. В первую очередь внимание следует обратить на то, что, с одной стороны, связывает их между собой, а с другой – с компанией Уайтстоуна. Здесь явно что-то скрывается. Если это случайное убийство, то я – английская императрица.

– Королева.

– Что?

– Правильно будет – королева. Но императрица, конечно, звучит внушительнее.

– Мне наплевать!

– Да я просто так.

Мимо быстро пролетали кварталы. Час был слишком ранний для пешеходов, заполняющих тротуары, и слишком поздний для любителей клубных вечеринок.

Ева объехала стороной Таймс-сквер, где людей в любое время, даже в самый неподходящий час, всегда много, проскользнула мимо максибуса, заполненного сонными жителями пригорода, либо едущими на работу, либо возвращающимися с нее.

– Ее захватили, скорее всего, неподалеку от офиса. Или же похитители ждали в машине, а потом последовали за ней. Они привезли ее в эту пустую квартиру, потому что знали, что там никого нет. И либо у них были коды, либо они сверхпрофессиональные взломщики. Затем они избili ее.

– Ты имеешь в виду удары по лицу?

– Да. Удар костяшками пальцев в скулу причиняет очень сильную боль. Он сбил ее с ног и, наверное, страшно напугал. Ведь синяк у нее слишком большой для простой пощечины и слишком маленький для серьезного избиения.

Она вспомнила лицо жертвы.

– Скорее всего, ее ударили не один раз. Посмотрим, не найдет ли Моррис у нее в крови каких-либо транквилизаторов или других веществ. Но я очень сомневаюсь в этом. Преступники хотели, чтобы все выглядело как обычное уличное ограбление. Если бы они накачали ее химическими веществами, то сразу бы привлекли к себе более пристальное внимание. А так они просто затащили ее в автомобиль и отвезли в квартиру, где никто не живет.

– Но зачем? С какой целью? Предположим, что это месть, расплата с Янг, но уж слишком сложный, замысловатый способ. Ну, да, Янги были близки с семьей жертвы, но ведь можно найти кого-то более близкого – саму Янг, ее мужа, кого-то из их детей или внуков. Ведь у самой Янг две дочери. И по одному внуку от каждой.

– Это не расплата. Тут дело не в мести. – Ева уже давно прокрутила в голове вариант, обсуждаемый Пибоди, и успела отвергнуть его. – В противном случае было бы гораздо больше возни, заранее делались бы заявления о мести, рассылались бы угрозы. Да, ты совершенно права, была возможность найти родственников поближе, чем невестка. Может быть, попытка с какой-то целью надавить на мужа. Но, с другой стороны, если им удалось так легко захватить ее, то, скорее всего, не составило бы особого труда захватить и его самого. А давление можно было бы оказывать гораздо эффективнее, если бы они оставили ее в живых. Возможно, необходимость получить какую-то информацию. По поводу какого-нибудь клиента. Ведь ей, наверное, была известна масса всяких финансовых секретов, в том числе по поводу налогов, всякая бухгалтерская отчетность. Они прекрасно знали, что Дикенсон работает допоздна, и

поэтому, вероятно, следили за ней. Или же у них были какие-то возможности доступа к ней. Нельзя исключать и того, что они – сотрудники ее же компании.

Ева затормозила машину у центрального управления.

– Мне нужно увидеться с Моррисом. Как только офис, где работала Марта Дикенсон, откроется, мы побеседуем с ее начальником и коллегами. Мне нужны список клиентов убитой и ее нынешние дела. То же касается и ее мужа.

– Надо отследить все финансовые потоки.

– Они почти всегда самые интересные.

Ева отъехала от управления, глянула на часы, после чего воспользовалась встроенным в приборный щиток автомобиля телефоном и связалась с Рорком. Пусть солнце еще только взошло, но она прекрасно знала, что Рорк как минимум час на ногах и уже успел приобрести какую-нибудь небольшую планетную систему.

– Лейтенант.

И вот в следующую секунду его лицо появляется на экране. Эти потрясающие голубые глаза на лице, созданном в минуты особого благорасположения господ бога к людям. По тому, что густая грива шелковистых черных волос была завязана в хвост, Ева поняла, что Рорк пребывает в своей рабочей ипостаси.

– Я подумала, мне стоит сообщить тебе, что пока я домой приезжать не намерена.

– Я уже догадался. – Его природный ирландский акцент пробивался в речи фоновой мелодией. – Поешь что-нибудь.

– Думаю, что с едой повременю до поездки в морг. Здесь все очень мрачно.

– Я уже это почувствовал.

– Расследование убийства никогда не бывает приятным. Но нынешнее, по нашим стандартам, не было особенно грязным. Однако... Мать двоих детей, муж, которого мое известие довело чуть ли не до нервного срыва. Очень обеспеченная семья из Верхнего Ист-Сайда. У обоих хорошие места в мире финансов. Живут в шикарном пентхаусе. Но без какого-то блеска. Все чистенько и уютненько, повсюду фотографии детей. Кроме того, она – невестка судьи Янг.

– Судьи Янг? Неужели?

– Да, судьи по уголовным делам. Лучшей из тех, кого я знаю. Ты понимаешь, в таких случаях бывает тяжело не поддаться чувствам.

– И особенно тяжело оказаться тем, кто открывает шлюзы для этих чувств.

– Это часть нашей работы, но, как говорит Пибоди, часто самая невыносимая. И на этот раз все было очень тяжело. Янг, правда, пытается, по возможности, облегчить мне работу. С выписыванием ордеров на обыск, с полной открытостью и доступом.

– И тем не менее...

– И тем не менее мать двоих детей, которой удалось создать по-настоящему счастливое семейство, уже не вернешь. Ну ладно, хватит об этом. Скажи, что тебе известно о компании «Брюер, Кайл и Мартини»?

– А-а-а... Занимаются прежде всего корпоративной бухгалтерией или обслуживают тех, у кого объем денежных средств приближается к масштабам корпорации.

– Не твою компанию случайно?

– Нет, но, если бы мне пришлось в голову проводить какие-то изменения в этой области, я не исключаю, что мог бы привлечь и их. У них очень хорошая, надежная репутация. И кто в ней работает, жертва или ее муж?

– Работала жертва. Муж – адвокат в компании «Граймс, Дикенсон, Харли и Шмидт». Он и есть Дикенсон. Занимается юридическими аспектами недвижимости и всяким финансовым законодательством.

– О них я ничего не знаю, но попробую что-нибудь разузнать.

– Думаю, тебе это не составит особого труда, ведь их офисы находятся в том же здании, где расположена и твоя компания.

– Ты полагаешь, это что-то упростит?

– Ну, если у тебя будет время. Подобная информация не повредит и тебе самому. И еще одна компания. Они именуют себя «Группой WIN»: инвестиции, регулирование денежных операций и все такое прочее.

– Нет, никогда не слышал о такой. Но думаю, что и о них смогу что-нибудь разузнать. А они какое отношение имеют к этому делу?

– Брэдли Уайтстоун – начальная буква его фамилии стоит первой в названии компании – обнаружил тело на лестнице рядом с квартирой, находящейся на ремонте, когда нынешней ночью привел туда женщину с явной целью потрахаться. Она утверждает, что мы с ней встречались на каком-то крупном городском мероприятии. Зовут ее Альва Муни.

– Наверное, она из нью-йоркских Муни. Старое богатое семейство с разветвленной родословной. Состояние в основном сделано на морском транспорте, как на строительстве кораблей, так и на перевозках грузов и морских круизах. Лично я с этой дамочкой незнаком, но знаю, что несколько лет назад она была известна легкомыслием и вызывающим поведением. Вся ее жизнь состояла из вечеринок, путешествий, шопинга, выпивок, наркотиков и секса.

– Сегодня она не произвела на меня вызывающего впечатления, – заметила Ева. – По ней просто чувствовалось, что она очень богата.

– Насколько мне известно, эта дама занимается дизайном декора круизных кораблей и участвует в каких-то некоммерческих проектах. Она что, в числе подозреваемых?

– Пока только в самом конце списка таковых. Но кто знает, может быть, со временем продвинется и повыше.

– Как же погибла эта мать двоих детей?

– Кто-то сломал ей шею. Такова моя первоначальная версия. Возможно, Моррис ее несколько скорректирует, – добавила Ева, подъезжая к моргу. – Я сейчас собираюсь переговорить с ним. Увидимся вечером.

– Обязательно перекуси что-нибудь, – снова напомнил ей Рорк.

– Да-да, обязательно.

«Иногда некоторым людям сильно везет», – вспомнила она свой разговор с Дэниелом Янгом. С Рорком ей несказанно повезло – ей удалось найти человека, который по-настоящему любит и понимает ее.

Но иногда, подумала Ева, входя в длинный сияющий белизной туннель морга, удача нас оставляет, как это и случилось с Мартой и Дензелом Дикенсон.

Слишком рано для прихода новой смены, решила Ева. Сейчас сотрудники морга либо пытаются разобраться с тем «урожаем», который смерть собрала в большом городе за нынешнюю ночь, либо заполняют какие-нибудь бумаги в кабинетах, либо занимаются теми зловещными манипуляциями с частями человеческих тел в больших колбах, о которых просто не хочется вспоминать.

На мгновение Ева остановилась у кофейного автомата, но почти сразу же отвергла мысль о кофе в заведении такого рода. Вместо этого она взяла бутылку пепси и таким образом загрузилась необходимой ей небольшой дозой кофеина.

Проходя в кабинет Морриса через двойные двери, она услышала музыку: плачущий саксофон, рыдающий контрабас.

Марта Дикенсон лежала на столе. Моррис уже вскрыл ее и извлек сердце, которое теперь держал в руке, как будто взвешивая.

Он перевел взгляд на Еву. Его темные глаза казались огромными за стеклами защитных очков.

– Наш день начался, когда ее закончился.

– Она допоздна работала в своем офисе. И ее день закончился не очень хорошо.
– У нее есть дети. Признаков сексуального насилия нет, но есть свидетельства того, что она родила, по крайней мере, одного ребенка.

– Двоих.

Он кивнул, ни на мгновение не прекращая работу. Под защитным халатом у Морриса был идеальный покроя костюм шоколадного цвета и кремового цвета рубашка. Волосы были подвязаны и длинным хвостом свисали по спине.

– Я бы в любом случае попросила тебя заняться ею.

– На этой неделе я взял ночную смену. Ни минуты покоя. – Патологоанатом перевел взгляд на Еву. – Есть какая-то конкретная причина того, что ты хотела, чтобы именно я занялся ею?

– Она – невестка судьи Янг.

– Дженни?

– Ты так близко знаком с судьей Янг, что называешь ее по имени? – удивленно спросила Ева.

– Мы являемся поклонниками одного и того же жанра музыки. Значит, здесь, на этом столе, лежит жена ее брата? Жена Дензела. Я как-то раз видел их обоих у Дженни, когда она устраивала музыкальный вечер. Сейчас я не узнал ее, но Дженни всегда отзывалась о ней очень тепло.

– Судья Янг всеми способами старается облегчить нам работу, организует скорейший доступ ко всему.

– Ты мужа не подозреваешь?

– Нет, но, конечно, все еще нужно проверить. Причина смерти – сломанная шея?

– Да. И сделал это кто-то очень сильный и совсем не новичок. Смерть наступила не в результате падения. В рапорте говорится, что ее нашли на нижних ступеньках лестницы.

– Лестница очень невысокая. И Марта погибла, конечно, не в результате падения. Она вообще не падала. Ее просто там положили, чтобы создать впечатление, будто она стала жертвой уличного ограбления. На самом деле это нечто совсем другое.

– У нее обнаружено несколько более мелких травм. Синяк на лице, разбитая губа – обе в результате удара рукой, не кулаком, небольшой синяк у рта, синяки на правом запястье, на обоих коленях и на левом локте, основание правой кисти расцарапано.

– Колени и рука. Как будто она поскользнулась на половике или ковре.

– Да, и у меня сложилось такое же впечатление. На царапинах на руке я нашел волокна и уже отправил их в лабораторию.

– Голубые волокна?

– Да, такие же, какие, судя по твоим записям, ты нашла у нее на брюках. Ты просила, чтобы анализ проводила Харпо, поэтому эти волокна я тоже направил ей.

– Хорошо. Спасибо.

– Я только начал осмотр, и у меня еще совсем немного информации.

– Есть какие-нибудь свидетельства того, что ее оглушили? Признаки отравления? Следы использования токсических веществ?

– Небольшие следы от станнера как раз над левой лопаткой.

– Странно, – пробормотала Ева, подойдя ближе к мертвому телу. – Если ты хочешь, чтобы все выглядело как нападение уличных грабителей, глупо оставлять следы от станнера. Обычному грабителю вряд ли может быть доступен станнер. Они пользуются другими средствами. Лопатка... – продолжала она. – Значит, он сбил ее с ног, подойдя сзади.

– Да, и, я бы сказал, удар незначительной силы, достаточный только для того, чтобы ненадолго, на несколько мгновений, оглушить и обездвижить ее. Я очень внимательно осмотрел

тело и уже послал кровь на анализ на наличие в ней токсических веществ. Могу ускорить этот процесс.

– Не помешает. – Ева обошла вокруг тела, внимательно его осматривая. – Захватили ее, когда она вышла из офисного здания. Не внутри, если только им не удалось каким-то образом обезвредить охрану. Да и нужды в этом нет никакой. Достаточно было просто зажать ей рот рукой, затолкать в фургон – все делается очень быстро. Зачем специально оглушать ее? Возможно, убийца тоже женщина или мужчина невысокого роста, побоявшийся, что она выскользнет у него из рук или начнет отбиваться.

– Небольшие раны на коленях и у основания кисти свидетельствуют о падении на ковер. Где это могло случиться? В квартире?

– Там нет никаких ковров. Только брезент. Бежевого цвета. Ничего голубого или синего. Но не исключено, что ее забросили в машину с половым покрытием голубого цвета. И она, оглушенная, падает и скользит по полу. Отсюда голубые волокна на брюках. Это же могло стать и причиной синяков у нее на коленях. Не могли же они волочить ее восемь кварталов до того места, где нашли труп. Ее туда, несомненно, привезли.

– Харпо без особого труда определит тип коврового покрытия, производителя и использовавшийся краситель.

– При ее-то квалификации какие могут быть сомнения... Все это мог сделать один человек, – продолжала вслух размышлять Ева, обходя вокруг прозекторского стола, – оглушить, затолкать в фургон. Но думаю, что она довольно быстро пришла в себя. Ее нужно было постоянно держать под контролем, не позволять ей кричать и при этом вести машину, потом выгнать жертву, открыть дверь. Нет, скорее всего, тут действовали два человека: один вел машину, а другой занимался ею.

– Большие руки... – пробормотал Моррис. – Не думаю, что тот, кто с ней управлялся, был таким уж маленьким. Характер синяков свидетельствует, что у него сильные руки.

– Понятно... понятно. – Необходимость оглушать Дикенсон теперь имела еще меньше смысла, но против фактов не попрешь. – Значит, они просто решили не рисковать. Решение все обставить как уличное ограбление было принято в последнюю минуту. Как бы то ни было, они привезли ее в пустую квартиру на первом этаже. Значит, у них была какая-то возможность проникновения туда, так как нет никаких признаков взлома. Они намеревались по сильнее запугать ее, сделать более стоворчивой, чтобы она дала им то, чего они от нее требовали. Или сообщила то, что знает. Удар тыльной стороной ладони. – Ева взмахнула рукой, имитируя удар преступника. – Она падает, отсюда синяки на лице, ударяется локтем об пол. Когда они получают то, что им нужно, – а это не занимает у них много времени, – кто-то из них сворачивает ей шею. Своими руками?

– Да, почти наверняка. Причем слева направо. Судя по повороту головы, характеру синяков и перелома, я полагаю, что именно слева направо и сзади.

– Снова сзади. Он правша. Сильный, тренированный. Человеку не так-то просто свернуть шею. Значит, хорошо подготовленный, умеющий контролировать себя, но при этом не профессионал в прямом смысле слова. Возможно, военный или из каких-то военизированных организаций, привыкший убивать на поле боя, там, где не надо убирать за собой, пока не пришла полиция. Я обнаружила немного крови на брезенте, положенном на пол. Квартира в данное время ремонтируется. Скорее всего, это ее кровь.

– Я не нашел никаких ран, которые можно было бы объяснить самозащитой. – Моррис осторожно приподнял руку трупа. – У нее под ногтями или в зубах ничего нет. Поэтому, скорее всего, твой вывод верен – это ее кровь.

– У них все шло по плану, кроме крови, которую они не заметили, и того факта, что владелец квартиры вознамерился чуть-чуть потрахаться и привел туда свою девчонку. Только поэтому тело нашли так быстро. Но без ответа остается один вопрос: получили ли они то, чего

добивались от нее? И вообще, располагала ли она этой информацией? Знала ли то, что было им интересно?

– На твой вопрос я, конечно, ответить не смогу, но отсутствие сопротивления о чем-то говорит. Нет никаких свидетельств того, что они ее связывали. Никаких следов пыток, только довольно незначительные травмы... Создается впечатление, что она предоставила им то, что они от нее требовали.

Ева вновь вспомнила квартиру погибшей. Семейный уют, фотографии счастливых детей, большая собака. Да, конечно, ради того, чтобы не потерять все это, она бы выдала преступникам любую информацию, которую они от нее требовали. Естественно, если бы располагала ею.

– Вначале избить, затем запугать и пообещать, что, если она сообщит им нужную информацию, они ее отпустят. Убийца, нанося ей последний удар, стоял сзади. Он рассматривал это как свою работу, долг или задание. И, скорее всего, не видел особой нужды в том, чтобы затягивать ее выполнение, доставлять своей жертве больше боли, чем нужно. То есть в его преступлении не было ничего личного.

Моррис кивнул, но, коснувшись плеча покойной, тихо произнес:

– Боюсь, что у нее на сей счет имелось другое мнение.

Глава 3

Ева шла по зданию центрального управления в момент пересменки. Здесь толпились полицейские, закончившие смену, и те, кто, подобно ей, пытался найти нужных людей для продолжения расследования.

Она остановилась около автомата с едой, критически оценивая варианты, которые он ей предлагал. И в конце концов выбрала то, что имело самое привлекательное название – «Датский черничный пирог».

Она ввела свой код и номер выбранного продукта. И в результате не получила ничего, кроме скрежета и бессмысленного сверкания огоньков.

– Ну, давай же, сучка! – Ева повторила требуемые операции и на сей раз услышала слабое попискивание. – Черт, я должна была знать с самого начала, что у меня ничего не выйдет.

Еву всю жизнь преследовали неудачи с любыми механизмами. И теперь получение из автомата этого примитивного суррогата завтрака стало для нее вопросом принципа.

Она ударила по автомату ногой.

«Акт вандализма или просто применения физической силы к автомату может закончиться лишением права пользоваться его услугами на период от тридцати до девяноста дней. Пожалуйста, вставьте монету, кредитную карточку или наберите свой код, а затем сделайте выбор продукта».

– Вот что я с тобой сделаю, жалкая куча железного хлама. – И она отвела ногу, чтобы нанести по автомату следующий удар.

– Привет, Даллас! – К ней подошел Бакстер, самый элегантный из всех ее детективов. – Какие-то проблемы?

– Эта паршивая куча металлолома не желает поделиться со мной кусочком своего дерьма, замаскированного под названием «Датский черничный пирог».

– Позволь мне попробовать. – Посвистывая, Бакстер ввел свой код и нажал на кнопку, соответствующую «Датскому черничному пирогу». Тот бесшумно опустился в ячейку. Ева презрительно созерцала пирог, пока автомат радостно перечислял его совершенно непроизносимые химические ингредиенты и расхваливал в высшей степени сомнительную питательную ценность.

– Ну вот, пожалуйста, лейтенант. – Бакстер извлек продукт из ячейки и протянул Еве. – Угощаю.

– Как эти железные монстры меня узнают? И почему они придают моей персоне такое большое значение?

– Возможно, это как-то связано с биохимией, с телесными энергиями.

– Трудно поверить в подобную ерунду.

– Как бы то ни было, свой «Датский черничный пирог» ты получила.

– Да, спасибо.

– Кстати, мы с Трухартом закрыли дело о двойном убийстве. Убийцей оказалась бывшая подружка, не пожелавшая стать бывшей.

Ева вошла в архив своей памяти.

– Да, я помню, двое забиты до смерти в Челси.

– Именно так, – подтвердил Бакстер, когда они отошли от автомата. – Их обоих забили монтировкой. Я вначале предположил, что «бывшая» наняла кого-то или своими женскими чарами принудила к совершению преступления. Ведь такое жуткое убийство. Никогда не подумаешь на женщину.

– Почему?

– Ну, вы же понимаете, лейтенант. Женщины, как правило, прибегают к яду – в общем, к более эстетичным методам. А эта, настоящая крошка, ростом едва до пяти футов дотягивает. У нее и мускулов-то почти нет. Но Трухарту удалось ее расколоть.

– Трухарту, – повторила Ева, вспомнив идеально выбритого добряка-полицейского, которого она выделила в помощь Бакстеру.

– Он любит повторять старинную поговорку: «Фурия в аду – ничто по сравнению с брошенной женщиной». И потому по-настоящему наседал на нее на допросах. Играл с ней, как кошка с мышью.

В его голосе звучала гордость, не совсем приятная Еве, с каким-то привкусом мужского сексизма. Но это помогало Бакстеру в работе.

– Должен тебе сказать, он красиво ее вел. Демонстрировал сочувствие и понимание, говорил о собственном разбитом сердце. – С почти сладострастной улыбкой Бакстер прижал руку к груди. – И его тактика сработала. Он завел эту красотку своими разговорами о том, как жестоко и несправедливо поступил с ней ее бывший.

– Ну что ж, неплохой подход, – прокомментировала Ева.

– Да-да, настоящий талант. Он говорит ей, что понимает, как глубоко должно ее ранить то, что новая пассия бывшего надевает такую сексуальную ночнушку с узором из леопардовых пятен. Он именно это слово и употребил – «ночнушка». А наша дурочка настолько увлеклась разговором, что ляпнула ему, мол, на ночной рубашке узор был не леопардовый, а тигриный, и той плоскогрудой шлюхе она была не по сиськам. Трухарт знал, что убитая купила рубашку с тигровым узором в день гибели, и бывшая не могла нигде видеть ее в ней, кроме как в той спальне, где она и была убита. Ну, с того момента все пошло как по маслу. Он добился от нее полного признания. Как она вскарабкалась по пожарной лестнице. Любовник всегда оставлял окно спальни приоткрытым – обожал свежий воздух. Она сначала отмолотила его самого, затем налетела на его новую зазнобу, а потом снова накинулась на него, после чего спустилась в подвал, в прачечную комнату – он не сменил там коды на двери. Затем постирала одежду, помылась и спокойно ушла. Монтировку выкинула в реку.

– Отличная работа. Одежда в лаборатории?

– Да, конечно. Я предоставил Трухарту возможность закончить дело. Мы оба с самого начала прекрасно понимали, что девчонка замешана в этом деле, но только он почти сразу понял, что она ни к чьим услугам не прибегала, а сама все и провернула и сама действовала монтировкой.

Бакстер немного помолчал. Ева не прерывала его молчания, терпеливо ждала, понимая, что у него есть для нее что-то еще.

– Трухарт явно перерос свой статус, Даллас. Он, наверное, один из тех, кто всегда будет казаться молодым новичком, но ты ведь понимаешь, что я имею в виду. Он заслуживает того, чтобы его перевели в детективы.

Ева пообещала обдумать его предложение и, хотя оно несколько опережало заведенный у них в управлении порядок, понимала, что просьба Бакстера не просто его личная прихоть.

– Он будет у нас первым на очереди в нынешнем году. Если он тоже желает стать детективом, ему придется сдать экзамен. Пусть подготовится, почитает нужную литературу. Предупреди его. Вы с ним превосходно поработали, Бакстер.

– Он отличный парень, босс. Вначале, когда ты подбросила мне его в помощники, я подумал было, что мне, как обычно, скинули какой-то балласт, но потом понял, что парень – настоящее золото. Его надо ценить.

– Предупреди его. И пусть имеет в виду, что экзамен у нас не для слабаков.

– Он, конечно, симпатяга, но совсем не слабак.

Когда они вошли в помещение своего отдела, работа там уже была в полном разгаре. Ева дала Пибоди основные инструкции и проследовала с ней к себе в кабинет, где начала с кофе.

– Моррис подтвердил, что причина смерти – перелом шеи. Никаких ран, свидетельствующих о самозащите. Синяки на ней – скорее всего, следствие захвата и удара тыльной стороной ладони. Перелом шейных позвонков, произведенный вручную.

– Звучит страшно.

– Не думаю, что она вообще что-то почувствовала. Он вначале оглушил ее, вероятно, в качестве дополнительной меры предосторожности, совсем чуть-чуть, оставив на лопатке след от станнера.

– Сзади, как будто из засады.

– Да, и могу поклясться, что волокна у нее на брюках и те, что Моррис обнаружил у основания правой кисти, из салона того транспортного средства, на котором ее перевозили. А что у тебя?

– Макнаб уже работает над телефоном. В отделе электроники ждут документов, разрешающих проверку других устройств. Кармайкл и Сантьяго в любой момент готовы начать обыск. А Кармайкл к тому же участвует в опросе свидетелей. Я всех оповестила относительно обручального кольца и браслета. Связалась с ее мужем по поводу сережек, чтобы распространить информацию обо всех украшениях, которые могли быть на ней. На убитой действительно были золотые клипсы в форме сердечка, которые дети подарили ей на последний День матери. Я очень надеюсь их найти. Понимаешь, такие вещи... В любом случае, нам очень повезет, если убийца решит их заложить или продать.

– Мы явно имеем дело не с профессионалами, поэтому нам действительно может повезти.

– Я начала также анализ финансового состояния самой жертвы и ее мужа. Жизнь: обоих застрахована. И у обоих с деньгами, мягко говоря, все в порядке. Он зарабатывает больше ее, но надо сказать, что она от него не очень отстает. Они удачно вкладывают деньги. Это долгосрочные вложения без особого риска, и для детей уже имеются счета на будущее обучение в колледже.

Пибоди вынула блокнот и стала листать его, чтобы проверить, обо всех ли деталях она рассказала и не вылетело ли что-то у нее из головы.

– У них имеется квартира в собственности и кредит на дом на Лонг-Айленде в Ойстер-Бей. Одно транспортное средство – автофургон последней модели, рассчитанный на большую семью, но не слишком дорогой. Есть произведения искусства и драгоценности. Дикенсон с Граймсом открыли свою фирму одиннадцать лет назад и за это время привлекли в нее нескольких партнеров. У них очень хорошая деловая репутация. Жертва работала на Брюера и его компанию примерно такой же срок, с двумя стандартными перерывами на отпуск по беременности и воспитанию ребенка. Няня у них со времени появления первого ребенка. У меня имеются ее данные.

– Хорошо, нам нужно побеседовать с ней, а также с коллегами жертвы и с руководством.

– Есть и некоторые пересечения: несколько человек являются клиентами в той и в другой фирме, и я нашла парочку, которая пользовалась или пользуется услугами фирмы свидетеля.

– Собери сведения на них, а потом мы отработаем все пересечения. – Телефон Евы проиграл о поступлении новой информации. – Ордера получены.

Ева приказала распечатать ордер и прочитала постскриптом, присланный судьей Янг.

– Янг пишет, что семья жертвы переезжает к ней. Передай ордер Кармайклу, и пусть они начинают работу. Пусть отдел электроники приступает к осмотру электронных устройств. Будь готова к... Сэр!

Ева вытянулась по стойке «смирно» перед вошедшим в дверь командиром Уитни. Она, конечно, понимала, что рано или поздно начальник заинтересуется этим делом, но хотелось, чтобы перед тем, как он пригласит ее к себе в кабинет, дал время подготовиться.

– Мне сообщили, что убита невестка судьи Янга.

– Да, сэр. Я только что прибыла с места преступления. Я пока еще не составила докладную, жду результатов из лаборатории.

– Составьте, пожалуйста, специальный отчет для меня.

– Пибоди, приступай к работе.

Вслед за этим Ева представила Уитни полный устный отчет о случившемся.

Уитни был мужчиной слишком крупных габаритов для ее крошечного кабинета. При первых же словах доклада темное лицо сделалось суровым и мрачным. Уитни подошел к узкому окну и принялся разглядывать мрачный утренний пейзаж.

– Мужа вы исключаете?

– Скорее всего, да, – ответила Ева. – Но, конечно, всю необходимую информацию по нему мы все еще собираем. Он и судья активно сотрудничают с нами. В настоящее время Кармайкл и Сантьяго направляются на квартиру жертвы для проведения обыска, а отдел электроники начал проверку электронных устройств. Макнаб уже приступил к проверке телефона мужа жертвы. Предварительная версия: жертва была захвачена неким злоумышленником или целой группой. Причины пока неясны. Однако уже сейчас понятно, что это не случайность, не простое уличное ограбление, и на данном этапе следствия у нас нет никаких свидетельств того, что преступление каким-то образом связано с судьей Янг. Я намерена пристальнее присмотреться к нашему основному свидетелю и его партнерам, выяснить, над чем в последнее время работала жертва, какие у нее были клиенты.

Уитни кивнул и повернулся к ней спиной.

– Жена брата известного судьи. Сейчас в СМИ начнется жуткая шумиха. Я поручу отделу по связям с общественностью выступить со специальным заявлением, чтобы сэкономить вам время.

Ева готова была запрыгать от радости.

– Спасибо, сэр.

– Я хорошо знаком с судьей Янг, так же, как и все мы. Вам должно быть известно, что она и ее муж очень дружны с семьей босса – Тиббла.

– Понятно.

– Держите меня в курсе.

– Слушаюсь, сэр.

Как только начальник ушел, Ева открыла каталог убийств, а в центр экрана компьютера поместила фото Марты Дикенсон. Она снова просмотрела всю собранную информацию, протоколы допроса свидетелей, мужа. Несколько мгновений рассматривала распечатки записей с места преступления.

Капли крови на брезенте, задумалась Ева. Практически никаких попыток убрать за собой. Поспешный захват, правда, хорошо хронометрированный. Способ убийства быстрый и жестокий. Это свидетельствует о наличии определенных навыков, но убийца все-таки не профессионал.

Итак, кто же мог нанять или иметь у себя в штате пару головорезов с хорошей физической подготовкой – умениями быстро прикончить жертву, вывести из строя охранную сигнализацию, головорезов, которые способны не моргнув глазом свернуть шею беззащитной женщине?

Начнем с вопроса «Зачем?» – подумала Ева и собрала свои вещи.

Снова зазвонил телефон.

– Даллас?

На экране появилась Харпо с ее привычными, торчащими во все стороны рыжими волосами.

– лейтенант, у меня есть для тебя сообщение по поводу волокон.

– Тебе удалось их идентифицировать?

– В следующий раз ты подыщешь для меня по-настоящему трудную задачу, но на сей раз все оказалось элементарно. Внутренняя обивка на грузовом фургоне «Максима Карго», «Минизип» и внедорожнике 4X. Наименование цвета – «вороненая сталь». Обычно используется в машинах цвета индиго, хотя, конечно, его можно выбрать и в сочетании с любым другим цветом. Компания «Дженерал Моторс» стала выпускать автомобили с салоном такой окраски еще в прошлом году, значит, мы имеем дело либо с 59-й, либо с 60-й моделью. Но на волокнах еще не стерлось фабричное изоляционное покрытие, из чего напрашивается вывод, что машиной пользовались не слишком часто.

– Отличная работа, Харпо.

– Как я уже сказала, для меня это не задача. Волокна из морга полностью совпадают с теми, которые были обнаружены на брюках. На них имеются следы крови. Мои ребята уже ее проверили, и могу сообщить тебе, что кровь на брезенте и на волокнах принадлежит жертве.

– Отлично! Замечательно, Харпо!

– Многим из нас приходилось работать с судьей Янг. Поэтому... В общем, я пришлю тебе отчеты.

– Хорошо. Спасибо, Харпо.

– Просто мы выполняем свою работу, а я стараюсь выполнять ее лучше всех.

У Евы не было причин ей не верить.

– Пибоди! – позвала Ева и направилась к двери.

Пибоди схватила пальто и бросилась за ней.

– Макнаб завершил проверку телефона. Все как будто подтверждает показания Дикенсона. Жертва действительно позвонила ему и сообщила, что будет работать допоздна, они поболтали о еде, детях, каких-то домашних делах. В начале одиннадцатого она снова позвонила ему и сказала, что направляется домой. Дикенсон настаивал на том, чтобы она вызвала машину, но она, как он сказал нам, легкомысленно отмахнулась от его просьбы. Кроме того, она сообщила ему, что принесет с собой домой какие-то бумаги, но будет работать с ними утром, так как договорилась с руководством фирмы, что на следующий день до полудня поработает дома.

– Он, кажется, забыл поставить нас об этом в известность.

– Макнаб пришлет нам распечатку всех разговоров. Он говорит, что на видеозаписи в телефоне можно ясно рассмотреть, как жертва, беседуя с мужем, надевает пальто, шарф, шляпу и перчатки. Макнаб также сказал, что у нее был именно тот портфель, который описала нам судья Янг, и сумочка красного цвета на ремне. Обручальное кольцо, браслет и клипсы в виде сердечек.

– Хорошо.

Макнаб был для Пибоди мужчиной ее жизни, но это никак не влияло на качество его работы.

– Они беседовали около трех минут, и она попросила мужа налить ей большой бокал вина на удачу. Тот отшутился, сказав, что, может быть, на удачу ей, что производит впечатление мрачного пророчества.

– Пророчества – слишком туманная вещь для нашей работы, – заметила Ева, выходя из лифта и направляясь в гараж. – Значит, распечатки разговоров подтверждают версию мужа, а также дают яркую картину их отношений. Если к этому добавить еще особенности первого разговора с ним, его психологическое состояние, характеристику их финансов, то можно сделать вывод, что он, по всей вероятности, чист. Если только мы не обнаружим у него каких-то других, «левых» отношений, нам придется сделать вывод, что у него не было явных мотивов избавляться от жены.

С этими словами она села за руль.

– Мне звонила Харпо. Нам придется проверить фургоны «Максима», «Минизипы» и внедорожники 4X с внутренней обивкой цвета вороненой стали. 59-ю и 60-ю модели.

– Вот это уже настоящий прорыв.

– Да, прорыв. Кровь на брезенте и следы крови на волокнах брюк принадлежат жертве. Таким образом, мы подтвердили, что ее схватили, бросили в машину, увезли, занесли в дом и убили. Затем сняли с нее пальто, шляпу, перчатки, шарф, драгоценности.

– Начну проверку, посмотрю, нет ли у тех, кто занесен в наши списки, перечисленных тобой автомобилей.

– Давай еще выясним, какую работу она взяла домой и зачем.

Пока Ева выезжала из гаража, Пибоди успела достать компьютер.

– Я узнала, что ее непосредственный начальник – Сильвестр Гиббонс. И, если я правильно все поняла, она работала в подразделении, занимающемся независимым аудитом. Мелкий и крупный бизнес, корпорации, доверительные фонды.

– Аудит. Поиск всяких подозрительных вещей в финансах и коммерции.

– Думаю, что да. Ну, или просто проверка, все ли в порядке с вашими финансами.

– Всяких подозрительных вещей в финансах и коммерции, – задумчиво повторила Ева. – Один из способов помешать аудиту или, по крайней мере, затормозить его – убить аудитора.

– Ну, это уж слишком. Ведь если в делах что-то не в порядке, это все равно рано или поздно выйдет наружу.

– Возможно, им нужно было время, чтобы уладить свои дела. Они захватывают аудитора, выясняют, что ему известно, что он уже успел зафиксировать, с кем успел переговорить. В общем, получают всю необходимую им информацию, убивают ее и маскируют убийство под уличное ограбление. И у них появляется время, чтобы подправить свои финансовые дела, а если они запускали руку к кому-то в карман, то положить эти деньги обратно. Если их план удастся, все решат, что Марте просто не повезло. Не думаю, что они сразу же начнут копаться в ее бумагах. Так что у нас есть шанс их опередить. Свяжись с судьей Янг.

– Прямо сейчас?

– Это будет наш упреждающий удар. Добровольно ни один коммерсант не отдаст полиции документы своих клиентов. Нам нужен ордер, разрешающий доступ ко всем бумагам, с которыми жертва работала в течение последнего месяца. Янг предоставит нам такой доступ и тем самым сэкономит время.

– Все равно как иметь собственного судью на подхвате. Конечно, не в смысле подкупа, – смутилась вдруг Пибоди.

– Да уж. Но ты не давай ей информации больше, чем необходимо. Мы не должны ничего пропустить и не имеем права ни в чем проколоться.

– Я никогда раньше не попадала в такую ситуацию с судьей. А дело у нас очень темное.

– Просто постарайся как можно скорее получить ордер, Пибоди.

Ева задумалась над тем, что еще она могла упустить. «А я ведь замужем за гением коммерции, – подумала она. – Деньги и денежные операции для него – самый естественный язык, и он владеет им в совершенстве».

Она поискала место для парковки и решила, что ей страшно повезло, когда нашла свободное местечко у обочины всего лишь за полтора квартала от офиса жертвы.

– Судья говорит, что она обязательно организует для нас ордер, но на это потребуется некоторое время, – сообщила Пибоди. – Довольно чувствительная сфера, могут возникнуть проблемы с тайной вкладов. Если нам удастся представить весомые доказательства того, что причина убийства – профессиональная деятельность жертвы, ордер будет получен практически моментально.

– Мы сможем представить весомые доказательства в том случае, если получим доступ к ее рабочим документам.

Подумав мгновение, Ева смирилась: пока было довольно и того, что маховик закрутился. С неба посыпалась мерзкая ледяная морось, заставившая прохожих вокруг Евы ускорить шаг. За несколько секунд предприимчивый уличный торговец открыл передвижной ларек с зонтиками, но теперь они стоили примерно втрое дороже своей обычной цены.

Не прошло и нескольких секунд, как ларек окружила громадная толпа.

– Мне бы не помешал такой зонтик, – пробормотала Пибоди.

– Не раскисай.

– Почему просто не пойдет снег? По крайней мере, снег – это красиво.

– Пока не начнет собираться в грязные сугробы у обочины.

Сунув руки в карманы, чтобы согреться, Ева быстрым шагом прошла последние полквартила, плечом открыла входную дверь, как собака, потрясла головой, стряхнув с себя капли влаги.

Охраннику Ева показала свой идентификационный жетон со словами:

– Мне нужна фирма «Брюер, Кайл и Мартини».

– На пятом этаже. Вы по поводу миссис Дикенсон? Я видел сюжет по телевизору еще до того, как заступил на смену.

– Да, по поводу миссис Дикенсон.

– Значит, это правда. – Охранник печально поджал губы и покачал головой. – А так хочется надеяться, что произошла какая-то ошибка. Миссис Дикенсон ведь такая приятная женщина. Всегда здоровалась, когда приходила.

– Вы не дежурили прошлой ночью?

– Меня сменили в четыре тридцать. А она ушла, как отмечено в журнале, в восемь минут одиннадцатого. Я проверил запись в журнале, когда пришел на работу, так как уже знал о случившемся.

– Она часто работала допоздна?

– Ну, не скажу, чтобы каждый день, но иногда работала. Они все часто работают допоздна. Что-то вроде сезона уплаты налогов, – сказал он, махнув рукой. – Они бы лучше ночевать тут оставались.

– Приходил кто-нибудь, справлялся о ней?

– В мое дежурство – нет. К ней, конечно, приходят люди, клиенты, самые разные, и все они спрашивают о ней и о фирме. Но они обязательно должны зарегистрироваться.

– Можно нам посмотреть журнал посещений за последнюю неделю?

– Думаю, что можно.

– А сделать копию для нашей документации? Вы разрешите?

Охранник замаялся.

– Этот вопрос мне нужно прояснить с начальником. Вы пока пройдите наверх, а к тому времени, когда вы будете возвращаться, я все улажу. Думаю, он не станет возражать.

– Отлично. Спасибо.

– Она была очень хорошая женщина, – повторил охранник. – Я видел ее мужа и детей. Они иногда заходили за ней на работу. Очень хорошая семья. Какая страшная трагедия! Какая трагедия! Первый лифт справа. А я пока побеседую со своим начальником.

– Большое спасибо. Свяжись с Кармайклом, – сказала Ева, обращаясь к Пибоди. – Проверь, есть ли у него что-нибудь новенькое.

– Если знает сотрудник охраны, следовательно, знают и в компании, – рассудительно заметила Пибоди.

– Да, ты права, элемента неожиданности уже не будет.

– И факт ее гибели не вызовет особого ужаса и потрясения.

По-видимому, Пибоди все-таки не совсем права, подумала Ева, когда двери лифта распахнулись и она услышала за закрытой дверью чей-то плач.

Возле стола администратора стояли, обнявшись, два человека: мужчина и женщина. В холле для посетителей, оформленном в коричневых и кремовых тонах, было пусто. Женщина высвободилась из объятий мужчины и попыталась успокоиться.

– Мне очень жаль, но сегодня мы не принимаем клиентов. У нас умер один из сотрудников.

– Мне это известно, – сказала Ева и показала свой жетон.

– Вы по поводу Марты?

– Лейтенант Даллас и детектив Пибоди. Мы расследуем ее гибель. Нам нужно побеседовать с Сильвестром Гиббонсом.

– Да, конечно. – Женщина выхватила из держателя несколько бумажных носовых платков. – Маркус?

– Я сейчас его позову. – Мужчина быстрым шагом удалился.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Может быть, кофе? То есть я хотела сказать: не выпьете ли вы кофе?

– Спасибо, пока нет. Вы хорошо знали миссис Дикенсон?

– Очень хорошо. Я думаю, что очень хорошо. – Она промокнула глаза платком. – Мы вместе ходили на занятия в спортивный зал. Дважды в неделю. И каждый день общались с ней, то есть каждый рабочий день. Я не могу поверить в случившееся! Она бы никогда не стала спорить с грабителем или сопротивляться ему. – Ее глаза снова наполнились слезами. – Зачем они это сделали с ней?

– Никто не звонил? Не спрашивал о ней?

– Нет, никто.

– У нее не возникало никаких проблем с кем-то из сотрудников компании или в офисе?

– Нет, конечно, нет. Я бы обязательно знала. Сидя здесь администратором, ты все слышишь. У нас очень хорошая компания. И между всеми сотрудниками прекрасные отношения. За внешним благополучием часто скрываются страшные конфликты, подумала Ева, но не стала возражать.

– А с клиентами? Какие-нибудь проблемы, жалобы?

– Этого я не знаю. Возможно. Я не знаю.

– Аудит – не слишком популярное мероприятие. Кто-нибудь был недоволен выполненной ею работой?

– У нас подобными вещами занимаются юристы. Я в таких делах ничего не понимаю. Но ведь на нее напали грабители, и как...

– Нам просто необходимо знать о ней как можно больше, – ответила Ева.

– Конечно. Да, конечно. Извините. Я так расстроена. – Слова застревали в горле, и слезы застилали глаза, женщина выхватила из держателя еще несколько платочков. – Ведь мы с ней очень дружили.

– Она рассказывала вам о своей работе, об аудитах?

– Марта никогда не стала бы сплетничать об аудите. Это ведь проявление непрофессионализма и было бы ниже ее достоинства. Но если бы она вдруг решила посплетничать, то, конечно, поболтала бы только со мной. Знаете, немного расслабляешься, когда начинаешь потеть от нагрузок на спортивных занятиях. Иногда после тренировки мы заходили в бар чего-нибудь выпить. Болтали о детях, о нарядах, о всякой ерунде. Ну, о мужчинах, конечно, о наших мужьях. – На ее лице появилась слабая улыбка. – Никому из нас не приходило в голову говорить о работе.

– Понятно.

– Я... О, Слай! – Она произнесла это короткое имя, словно издав очередной всхлип, после чего рухнула в кресло и закрыла лицо руками.

– Нэт! – В холле появился крепкий жилистый мужчина. У него были всклокоченные светлые волосы и голубые глаза. Он обошел вокруг стола администратора, подошел к собеседнице Евы и похлопал ее по плечу. – Почему ты не идешь домой?

– Я хочу остаться. Возможно, понадобится моя помощь. Мы не смогли дозвониться до многих, у кого назначен прием на сегодня. Я... отлучусь на несколько минут. – Женщина вскочила и выбежала из холла.

– Минутами здесь дело не обойдется, – мрачно прокомментировал мужчина и устало провел рукой по лицу. – Лейтенант Даллас? – сказал он, повернувшись к Еве и Пибоди.

– Мистер Гиббонс?

– Да. У нас сегодня утром случилась беда. Марта... – Он покачал головой. – Пройдемте ко мне в кабинет.

Двигаясь неуклюже, так, словно ему никак не удавалось совладать со своими длинными конечностями, он провел их через большой холл, где Ева и Пибоди увидели еще несколько заплаканных лиц, затем по небольшому коридору, в котором все двери кабинетов были закрыты.

– Кабинет Марты... – Он остановился и несколько мгновений смотрел на закрытую дверь. – Вы хотите взглянуть?

– Да, конечно. Но немного позже. Вначале я хотела бы побеседовать с вами. Кстати, дверь надежно заперта?

– Уходя, Марта, конечно, всякий раз ее запирала. Таковы правила. Но сегодня, узнав о... придя на работу, я открыл кабинет. Ну, просто чтобы посмотреть, все ли... все ли в порядке. Честно говоря, я не знаю, зачем я его открывал. Потом я запер его снова.

Затем они прошли через маленький холл, в котором сидели несколько человек и беседовали вполголоса.

Кабинет Гиббонса находился в самом конце коридора за углом, как это часто бывает у начальников. Он поразил Еву своим минимализмом и предельно деловым стилем: абсолютно ничего лишнего. На столе расположились два компьютера и два тачскрина. Там же лежало несколько аккуратно сложенных папок, несколько десятков идеально заточенных карандашей разного цвета и тройная рамка с фотографиями пухленькой улыбающейся женщины, такого же улыбающегося паренька и отвратительной на вид собаки.

– Садитесь, пожалуйста. Я... кофе... Я приготовлю вам кофе.

– Спасибо. Не утруждайте себя, пожалуйста.

– Никаких затруднений. Я как раз варил кофе для себя. Я сидел в комнате для отдыха, пытался... пытался успокоиться. У нас, знаете ли, не очень большой отдел, и мы являемся частью сплоченной компании. У нас здесь все друг друга знают, постоянно общаются. У нас... у нас... есть своя команда по софтбоулу, и мы всегда отмечаем дни рождения своих сотрудников. У Марты был день рождения в прошлом месяце. Мы приготовили ей торт. О боже! Это я во всем виноват. Я... я во всем виноват!

– Каким образом?

– Я попросил ее поработать подольше. Задержаться. Понимаете, у нас на этой неделе страшная авария, так как два наших аудитора поехали на совещание. Они должны были уже вернуться, но попали в аварию. Автомобильную. Один из них сломал ногу, а другой очень плох, находится в коме. Я хочу сказать, находился. Мне сообщили, что он вышел из нее, но по какой-то причине врачи снова вернули его в искусственную кому. Мозг не пострадал, но сломаны ребра и нужно провести еще ряд анализов и... Простите, простите меня. Мне не нужно вам всего этого говорить, вы ведь здесь совсем по другой причине.

– Когда вы просили Марту поработать сверхурочно?

– Только вчера. Вчера утром после беседы с Джимом – тем аудитором, у которого сломана нога. Как оказалось, они не смогут вернуться вовремя. Сейчас они находятся в Лас-Вегасе на

совещании. Да, я уже говорил. Извините. Они не смогут вернуться на работу, по крайней мере, еще несколько дней, а нам нужно проводить важные аудиты. И я попросил Марту подхватить кое-что из их работы. Я сам работал до восьми и те документы, которые недоделал, взял домой. Когда я уходил, Марта была еще на работе. Она сказала: «Спасибо за ужин, Слай». Где-то около шести я попросил, чтобы нам принесли поесть. Мне, Марте и Лоррен.

– Лоррен?

– Лоррен Уилки. Они обе работали сверхурочно. Но мы с Лоррен ушли вместе. Признаться, основную часть работы я доверил Марте. Она у нас самый лучший аудитор. Но я не предполагал, что она задержится так надолго. Мне следовало бы забрать ее с собой. Следовало бы посадить в такси. Если бы я так и сделал, с ней все было бы в порядке.

– А с чем она работала?

– С несколькими разными делами.

У собеседника Евы зазвонил телефон в кармане. Гиббонс достал его, взглянул на экран и нажал кнопку «пропустить».

– Это может подождать. Марта заканчивала собственный аудит и начала еще один. А я передал ей еще три: один, который должен был сделать Джим, и два других от Чаза. Кроме того, я попросил ее проверить работу одного нашего практиканта.

– Могла ли Марта рассказать кому-нибудь о ваших поручениях? Я имею в виду подробности, имена.

– Нет, конечно, нет. Это конфиденциальная информация. Разглашать ее строго запрещено.

– Нам необходимо ознакомиться с ее работой. И нам потребуется ваше разрешение на доступ к тем документам, с которыми она работала.

– Я... я не понимаю. – Он поднял руки жестом человека, молящего о пощаде. – Я окажу вам любую требующуюся от меня помощь, но я не могу передать вам материалы конфиденциального характера. И я не понимаю, зачем они вам нужны.

– Мистер Гиббонс, у нас есть основания полагать, что Марта стала жертвой не случайного нападения уличных грабителей. Ее захватили, когда она уходила с работы, затолкнули в машину и перевезли в другое место, где и убили. Был похищен ее портфель с документами. В нем, несомненно, содержалась какая-то часть тех документов, с которыми она работала.

Руки Гиббонса бессильно опустились. Какое-то время он молча смотрел на Еву не в силах произнести ни слова.

– Я не понимаю, что вы говорите. Я вас не понимаю.

– У нас есть основания полагать, что Марта Дикенсон стала жертвой преднамеренного убийства, причиной которого могла быть ее профессиональная деятельность.

Гиббонс тяжело опустился в кресло.

– В сообщении говорилось... что это было обычное ограбление.

– Нам остается только надеяться, что в течение ближайшего времени официально будет озвучиваться только такая версия ее смерти. Однако вам я могу сказать совершенно определенно, что это ложная версия, и прошу вас сохранять нашу информацию в тайне. Кому было известно, что вчера вечером она собирается работать допоздна?

– Мне... мне, Лоррен, Джози, помощнице Марты, помощнице Лоррен. Моему административному... – Он не договорил, опустил голову и вцепился в свои редкие волосы. – Господи! Да ведь мог знать кто угодно. Это же не было тайной.

– Уборщики, хозяйственный отдел, охрана?

– Да, конечно. Уборщики пришли, когда мы еще работали. Охрана требует от нас регистрации при входе и выходе. Но я не понимаю... – беспомощно повторял он.

– Вам следует понять только то, что нам необходимо ознакомиться с теми документами, с которыми работала Марта.

– Мне... мне... Мне необходимо переговорить с работниками нашего юридического отдела. Если мне разрешат, клянусь, я передам абсолютно все без исключения. У нас с Мартой были очень теплые, душевные отношения. Вы на самом деле думаете, что ее убили из-за проводившегося аудита?

– Пока это только предположение.

– Но я все равно не понимаю, как такое могло случиться.

Гиббонс нервно тер пальцами покрасневший от волнения лоб.

– Побеседуйте с адвокатом вашей компании. Сообщите ему, что ордер вот-вот будет выдан. Об этом позаботится судья Янг.

– Я очень рассчитываю на это. И надеюсь, что ордер будет получен вами как можно скорее. – Гиббонс резко поднялся с кресла. – Я уверен, что вы ошибаетесь, но, если выяснится, что вы правы, я, конечно же, сделаю все, что в моих силах, чтобы вы получили всю необходимую информацию. У нас были очень теплые отношения, – повторил он. – И я несу ответственность за ее безопасность здесь, на рабочем месте. Я даже не знаю, как после всего случившегося смогу смотреть в глаза Дензелу... Из-за чего бы ее ни убили, виноват в этом я. Я и только я.

– Вы ошибаетесь! – резко, едва ли не грубо произнесла Ева. – Виноват тот, кто ее убил. Он и только он.

Глава 4

Гиббонс открыл для Евы кабинет Марты, а сам отправился искать ее помощницу.

Несмотря на то, что кабинет Марты по размерам значительно уступал кабинету Гиббонса, его отличали тот же минимализм и предельный прагматизм обстановки. Конечно, здесь можно было заметить некие индивидуальные штрихи, привнесенные в интерьер самой Мартой: семейные фотографии, искривленный держатель для карандашей и ручек, изготовленный либо ребенком, либо неумелым взрослым.

На подоконнике стояло какое-то тропическое растение в горшке, заросшее густой листвой.

Ева заметила записку, наклеенную на небольшую мультитарку: «Пять фунтов».

– Чтобы постоянно напоминать, какой вес ей нужно сбросить, прежде чем приготовить что-нибудь вкусненькое, – прокомментировала Пибоди и добавила: – Тебе-то никогда не приходится беспокоиться о собственном весе. Ну а если у кого-то возникает подобная проблема, он готов воспользоваться любыми способами и стимулами.

– Судя по тому, что говорят все, кто ее знал, Марта очень любила свою работу. Однако этот кабинет не стал для нее вторым домом, как это часто происходит с очень многими. Он, конечно, довольно удобный, но в нем совсем мало личных вещей. Вот фотографии, держатель для карандашей и ручек и, пожалуй, все...

«Даже в моем кабинете в центральном управлении гораздо больше личного, чем здесь», – подумала Ева. Всякие мелкие вещички, использовавшиеся в основном как пресс-папье, или чтобы можно было что-то взять в руки, повертеть, поиграться. Цветные стекла в маленьком окне кабинета постоянно радовали Еву. Глупый игрушечный пистолет, умевший разговаривать и подаренный ей когда-то Пибоди, неизменно смешил ее.

Однажды Ева даже попыталась завести комнатное растение, но, после того как оно едва не погибло из-за ее невнимания, она отказалась от этой идеи.

Ева обратилась к средствам связи, стоявшим на рабочем столе. Включила их на прослушивание.

Различные межофисные переговоры, ничего существенного. Парочка переговоров с клиентами, которые она отметила для себя. Еще один разговор с юридическим отделом по какому-то острому вопросу, который Ева даже не поняла. Один звонок няне, чтобы сообщить ей о позднем возвращении, попросить задержаться подольше и помочь Дензелу приготовить ужин для детей, и, наконец, два последних звонка мужу.

Закончив прослушивание, Ева подняла глаза от телефона и увидела в дверном проеме фигуру женщины с бледным заплаканным лицом.

– Я услышала ее голос. И подумала... Когда я услышала ее голос.

– Вы Джози Осло?

– Да. Да, я – Джози. Помощница Марты.

– Лейтенант Даллас, детектив Пибоди. Садитесь. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

– Я ничего не знала до того, как пришла на работу. По утрам я никогда не включаю телевизор. Просто на него нет времени. Когда я пришла сюда, то увидела, что Лоррен – миссис Уилки – рыдает. Потом все заплакали. Никто не знал, что делать.

Она беспомощно оглянулась по сторонам и обхватила щеки.

– Слай... мистер Гиббонс немного опоздал. Он попытался дозвониться до мужа Марты, но ему никто не ответил. Он позвонил в полицию, но там ему тоже ничего толком не сообщили. Тогда он сказал, что нам следует отменить все назначенные на сегодняшний и завтрашний

день встречи и консультации. И всех отпустил по домам. Но никто домой не пошел, все пока еще здесь.

– Становится легче, когда рядом находятся другие люди, знавшие покойного, – заметила Пибоди и подвела Джози к креслу.

– Да, наверное. Когда я услышала ее голос, я подумала: вот видите, наверное, все-таки произошла какая-то ошибка. Однако...

– Да, мне очень жаль, но ошибки не произошло, и Марта действительно мертва. – Ева прислонилась к столу. – Сколько времени вы работаете ее помощницей?

– Около двух лет. Я сюда пришла сразу же после колледжа. А сейчас я посещаю вечернюю магистратуру.

– Возникали ли в последнее время какие-либо проблемы в вашей работе?

– Принтер Марты сломался, но я его починила.

– Что-нибудь из ряда вон выходящее, – уточнила Ева.

– Нет, не думаю. О, нет, я совсем забыла! Джим с Чазом попали в автомобильную аварию в Лас-Вегасе. Они поехали туда на совещание и должны были вчера вернуться. Но они ехали в такси, с которым столкнулась другая машина, и Чаз – то есть мистер Парзарри – и мистер Арнольд очень сильно пострадали. Вот почему Слау пришлось поручить Марте и Лоррен дополнительную работу. По этой причине Марта вынуждена была вчера остаться здесь допоздна.

– Как ее помощница, вы должны знать, над чем она работала. Вы ведь ведете журнал ее консультаций и встреч?

– Да, конечно, веду.

– Были ли у Марты в последнее время какие-либо встречи, которые вызывали у нее озабоченность, расстраивали ее или просто были чем-то необычны?

Джози отвела взгляд.

– Нет.

– Джози, – резко произнесла Ева, так что сразу же заставила девушку снова взглянуть на нее. – Вы должны рассказать нам все.

– Марта запрещала мне говорить что-либо посторонним.

– Но ведь это было до ее гибели. – Пибоди села рядом с девушкой. – Вам нужно помочь Марте, ее семье и нашему расследованию.

– Да, конечно, я понимаю. Она не хотела расстраивать Слая и сказала, что все уладит сама.

– Уладит что? – спросила Ева.

– Ну, просто, знаете... миссис Мобсли. Гм... Марта проводила аудит ее доверительного фонда, по просьбе его членов. Марта просто делала свою работу, но миссис Мобсли была страшно расстроена и жутко злилась. Говорила, что это ее деньги и что она не позволит бездушным бухгалтерам дать всяким там грязным кретинам – она именно так и выражалась – оружие для ее смещения с поста руководителя фонда. И еще она клялась, что Марта очень сильно пожалеет, если не сделает так, как хочет миссис Мобсли.

– И чего же она хотела?

– Думаю, она хотела, чтобы Марта, ну... подправила кое-какие цифры и все бы выглядело идеально. Но знаете, мне ведь запрещено беседовать об аудите и о клиентах.

– Вы излагаете полиции информацию, касающуюся возможного преступления, – напомнила Ева.

– Ну, я помогала Марте проверять отдельные счета, некоторые данные, и мы выяснили, что миссис Мобсли... в общем, миссис Мобсли обманывала клиентов. Она брала определенные суммы, на которые не имела права, и покрывала их таким образом, что все это выглядело как допустимые траты. Клиентами являлись члены доверительного фонда, поэтому Марта

должна была представить им тот отчет, который был нужен миссис Мобсли. Марта сказала ей, что, если она будет давить на нее и шантажировать, ей придется открыть все их переговоры членам фонда и передать материалы в суд. Миссис Мобсли была буквально вне себя от злости. Марта попросила меня зайти и закрыть за собой дверь и все мне пересказала, так как, по ее словам, я помогаю ей в аудите и должна это знать – правда, кое-что из того, что происходило между ними, я и сама слышала. Кроме того, она потребовала, чтобы в том случае, если миссис Мобсли или кто бы то ни было еще попытается выйти на меня или давить по поводу упомянутого аудита, я немедленно ей это сообщила.

– И кто-либо пытался?

– Нет. Люди, подобные миссис Мобсли, не обращают внимания на каких-то там помощниц. Марта попросила меня сообщить ей, миссис Мобсли, если она еще раз попробует связаться с нами, что Марты нет. Но при этом записать ее звонок с начала до конца. Если звонки не прекратятся, она была намерена сообщить обо всем Слаю. Они вместе должны были поставить в известность членов фонда.

– Вы располагаете полным именем миссис Мобсли и контактной информацией?

– Да, конечно. Кандида Мобсли. Я могу вам найти ее адрес... адреса, – поправились Джози. – И информацию о членах фонда. Мне следует сообщить об этом Слаю? Как вы думаете?

– Думаю, что да. Но пока расскажите мне о вчерашнем дне. Мобсли пыталась связаться с Мартой?

– Вчера – нет. Мы были очень заняты и расстроены из-за того несчастного случая. Марта работала с тремя аудитами, два из них только успела начать. Я тоже осталась после работы, чтобы помочь ей, но около восьми часов она сказала, чтобы я шла домой. И я пошла. Я жутко устала. Моя соседка по комнате незадолго до того поссорилась со своим парнем, поэтому часа два мы просидели с ней: она изливала мне душу.

– Хорошо. Теперь передайте детективу Пибоди всю нужную нам информацию и попросите зайти к нам Лоррен Уилки.

– Да, конечно. – Джози встала. – Марта была потрясающим человеком и очень хорошим начальником. Она многому меня научила, с ней было очень интересно работать.

Пибоди дождалась, пока Джози выйдет.

– О Кандиде Мобсли буквально вопят все СМИ. Она то и дело попадает в реабилитационные клиники по причине употребления наркотиков и алкогольной зависимости, что представляется в качестве смягчающего обстоятельства всякий раз, когда она разбивает очередную машину, нападает на очередную соперницу, устраивает дебош в очередном гостиничном номере и так далее. Она много путешествует. Большие деньги у ее семьи водятся в третьем или в четвертом поколении, но она их проматывает с немыслимой скоростью.

– Тебе-то откуда это известно?

– Мы с Макнабом любим время от времени посмотреть каналы, на которых рассказывают о жизни знаменитостей. Узнали, что она была обручена бесчисленное множество раз. Замужем пробыла где-то примерно минут пять после свадьбы в поместье на одном из островов в южных морях, на которую было потрачено несколько десятков миллионов долларов. Говорят, что одно только платье невесты тогда стоило...

– Меня подобные вещи не интересуют.

– Извини, увлеклась. Если говорить по сути, то мы имеем дело с очень богатой и чрезвычайно испорченной стервой, известной своим агрессивным поведением.

– С такой, которая могла «заказать» ненавистную ей бухгалтершу не слишком профессиональным наемным убийцам?

– Вполне. Кроме того, известно, что года два назад у нее были дела с довольно темными личностями. Теми, кто знает, как выполнить подобный заказ.

– Хорошо. Надо получить на нее более или менее полную информацию, нам предстоит с ней побеседовать. И спустись, пожалуйста, вниз, посмотри, не приготовил ли охранник копию журнала посещений для нас. Если нет, то на него следует немного надавить.

– Мне такая работа нравится.

Чуть не прыгая от предвкушения особого наслаждения, которое ей доставляли допросы богатых знаменитостей, Пибоди торопливо вышла, а в кабинет почти сразу же вошла еще одна сотрудница компании.

Если Джози производила впечатление миловидной, юной и свежей и была одета по последней моде, то Лоррен всем своим видом напоминала тонкий, остро отточенный карандаш. Худошавая и угловатая, с аскетичной прической – коротко остриженные седые волосы. На ней был брючный костюм темно-синего офисного цвета, лишавший ее последних намеков на женственность, и белоснежная рубашка.

Глаза Лоррен слегка припухли, но в них не было и следа слез. Она окинула Еву пристальным, оценивающим взглядом с ног до головы.

– Вы занимаетесь поиском того, кто сделал это с Мартой?

– Да, я – главный следователь.

Лоррен едва заметно кивнула.

– Вы смотрите вполне профессионально. – Она села, закинув ногу за ногу и положив руки на колени. – И что вам нужно от меня?

Ева задала ей стандартный набор вопросов. Складывалось впечатление, что коллега Марты ничего не знала о ее конфликте с Мобсли. Кроме того, от Лоррен не так легко было добиться информации, касавшейся ее работы, как от молодой помощницы.

– Многое из того, чем мы здесь занимаемся, носит закрытый характер. Мы не имеем права ничего разглашать. Ну, и помимо всего прочего, мы с Мартой работали с разными счетами. И, как правило, не пересекались. Разве что в случае болезни или каких-либо иных обстоятельств... – Она мрачно поджала губы. – Я имею в виду, например, прекращение контракта с работником – Сильвестр передавал аудит или клиента одной из нас.

– Как, например, произошло в данном случае, после автомобильной аварии. Вы с Мартой взялись за чужую работу.

– Совершенно верно. У нашей фирмы очень хорошая репутация, вполне заслуженная и заработанная тяжелым трудом. Мы славимся своей точностью, аккуратностью и абсолютной конфиденциальностью. И наш отдел внес свою лепту в названную репутацию. Чаз и Джим не смогут вернуться к работе, по крайней мере, еще несколько дней или даже недель, а работа не может ждать.

– Если материалы, с которыми вы работаете, настолько серьезны, то не исключено, что сотрудники могут подвергаться угрозам и шантажу?

– Большой частью мы имеем дело с корпорациями и крупным бизнесом. И, конечно, у тамошних адвокатов возникают периодические столкновения с нашими, но в основном они заняты процессами с теми судами, которые одобрили поручение на аудит или выдали его. За несколько прошедших лет был ряд случаев, когда кому-то из клиентов становилось известно, кто конкретно из наших сотрудников занимается тем ли иным аудитом, и случались – правда, довольно редко – злобные звонки и еще реже столкновения здесь, в офисе. Нам приходится с этим мириться, ведь у многих из наших клиентов есть основания для озлобленности и страха. – Она небрежно повела своими костлявыми плечами. – Но по большей части мы работаем в спокойной и мирной обстановке, в очень приятной дружеской атмосфере.

– А как насчет попыток подкупа? Были такие?

Лоррен улыбнулась.

– Вполне естественно для человека, запутавшегося в финансовых операциях, которые в данный момент проходят аудиторскую ревизию, предложить аудитору или какому-то другому

сотруднику компании взятку за то, чтобы тот скрыл его подлоги и другие злоупотребления. Но получение взятки означает риск тюремного заключения или очень большого штрафа, утраты заработанной тяжелым трудом лицензии и увольнения из компании.

– Взятки иногда составляют очень приличную сумму и, по мнению некоторых, способны покрыть все упомянутые вами издержки.

– Не знаю, возможно. Однако я лично считаю такой подход неразумным и близоруким. Цифры никогда не лгут, лейтенант. Рано или поздно они откроют всю правду, и тогда эти быстро заработанные легкие деньги станут для вас страшной обузой. Как бы то ни было, Марта на подобное никогда бы не пошла.

– У вас нет никаких сомнений по ее поводу?

– Ни малейших! Ей очень нравилась ее работа, и она неплохо зарабатывала. Ее мужу тоже нравится его работа, и он тоже очень прилично зарабатывает. У них есть дети, и Марта никогда бы не стала рисковать репутацией семьи, выставляя своих детей на такой позор. Ну, и просто надо начинать с того, что Марта была глубоко нравственным человеком.

Впервые за все время голос Лоррен дрогнул, и ее до того сухие глаза внезапно наполнились слезами.

– Извините меня. Я стараюсь сдерживать эмоции, но это чрезвычайно сложно.

– Я вас прекрасно понимаю. Вы нам очень помогли. Если вы вспомните что-то еще, даже какую-то мелкую подробность, пожалуйста, свяжитесь с нами.

– Обязательно. – Лоррен встала. – В хорошую погоду я всегда хожу пешком. Мы с Мартой часто прогуливались вместе. Я живу всего в двух кварталах от того дома, где, как говорят, ее нашли. Я вообще люблю гулять по городу. Но мне никогда не приходило в голову, что подобные прогулки в нашем районе могут быть опасны. В том районе, где я живу. Теперь я, конечно... Наверно, я еще очень долго не смогу спокойно прогуливаться там.

– И еще одно, – сказала Ева, заметив, что Лоррен направляется к выходу. – У вас есть какие-либо деловые отношения с «Группой WIN» или, возможно, вы что-то о них знаете?

– «WIN», то есть «побеждать»? – В ответ на кивок Евы она пренебрежительно сжала губы. – Кажется, что-то знакомое. Но не могу припомнить что. По крайней мере, я наверняка не проводила никакой работы для них или в связи с ними.

– Хорошо. Спасибо.

Когда Пибоди вернулась с копией журнала посещений, они вместе допросили других сотрудников. Все, что говорили служащие компании, вполне укладывалось в уже сложившийся образ Марты, обожаемой коллегами, однако ничего нового они не сообщили. Ева совсем не удивилась, когда ей передали, что ордер на ознакомление с делами компании увяз в обычной юридической трясине. Однако она ничуть не сомневалась, что судье Янг удастся найти способ вытащить его оттуда.

Кроме того, у них уже появилась одна очень важная зацепка.

– Нам нужно найти эту самую Кандиду Мобсли, но вначале я хотела бы еще раз посетить место преступления, еще раз встретиться с обоими свидетелями и побеседовать с партнерами Уайтстоуна. Нужно начать поиски того транспортного средства, на котором ее перевозили.

Ева отъехала от обочины, и к тому времени, когда она проехала через несколько кварталов, Пибоди уже успела задремать с ноутбуком в руках.

Ева толкнула ее в плечо.

– Что?! – вскрикнула Пибоди.

– Вон там кафетерий. Сбегай, купи нам что-нибудь перекусить.

– Да, конечно. Извини. Мы возились с Мэвис и ее бандой почти до полуночи. Усталость начинает сказываться. Еще раз извини.

– Зарядись чем-нибудь тонизирующим.

Пибоди потерла лицо руками, зевнула и выползла из машины. Ева пошла в противоположном направлении и, не обращая внимания на непрекращающуюся морось, остановилась перед домом, в котором было найдено тело Марты Дикенсон.

Даже в такую мерзкую погоду дом производил очень приятное впечатление. Величественное строение в классическом стиле, превосходно отремонтированное. Вряд ли у владельцев возникнут проблемы со сдачей помещений в аренду.

Если, конечно, этому не помешает слух о совершенном здесь убийстве.

Ева закрыла глаза и задумалась.

Убийцы припарковывают большой фургон или машину – малолитражный автомобиль вряд ли подошел бы для похищения – перед входом в офисное здание. Рано или поздно жертва должна выйти.

Ожидание – только часть сложного плана. Камеры видеонаблюдения не охватывают квартал со всех сторон. Пусть она выйдет и немного отойдет от здания.

Они выскакивают из машины. Позволяют ей пройти немного вперед, заходят сзади, оглушают, затыкают рот, скручивают руки. Все это занимает не более нескольких секунд. Один из них садится на место водителя, другой – на заднее сиденье рядом с ней. Зажимает ей рот рукой, если она начинает сопротивляться или шуметь, пригибает к сиденью. Едут они недолго. Затем один из них выходит, открывает дверь дома и возвращается.

Жертву затапливают внутрь. Занимает это всего несколько секунд.

Представить, как все произошло, несложно, подумала Ева. Произошло все достаточно просто. А вот ответить на вопрос «почему?» гораздо сложнее.

– Лейтенант!

Ева обернулась. К ней подошел Кармайкл. Плащ на нем промок, лицо раскраснелось от холода.

– Я встретил детектива Пибоди в кафе, мы тоже как раз собирались перекусить.

– Нашли свидетелей?

– Практически никого. Те, с кем мы беседовали, ничего не слышали. Правда, одного возможного свидетеля мы все-таки разыскали: женщину. Живет на противоположной стороне улицы в квартире на четвертом этаже, окна выходят сюда. Она вспомнила, что, кажется, видела фургон, припаркованный здесь прошлой ночью.

– Какой фургон?

– Темного цвета, как она выразилась. Может быть, черный, может быть, темно-синий или темно-серый. Ни модели, ни марки, ни номеров не помнит. У нее что-то случилось с жалюзи, она попыталась их починить и вот тогда-то и увидела фургон. Кроме того, она утверждает, что в квартире на первом этаже видела свет. Свидетельница обратила внимание на это еще и потому, что внимательно следила за ремонтом в доме. И решила, что в фургоне приехали люди, работающие в ночную смену.

– И когда она все это видела?

– По ее словам, это было около половины одиннадцатого. Некоторое время она возилась с жалюзи сама, потом пошла за своим любовником. Он спал в кресле – смотрел телевизор и заснул. Я говорил с ним по телефону. Но он ничего не помнит. Мы обошли много квартир. В таком районе люди обычно открывают полицию. Но очень многих жильцов просто не было дома. Чуть позже мы продолжим отработку свидетелей.

– Ну что ж, неплохо. Как там дела у Терни?

Кармайкл улыбнулся.

– Она не теряет надежды.

– Если хочешь, возьми ее с собой и на второй обход.

Пусть учится, подумала Ева. Ведь дела об убийстве – это, как и большая часть работы в полиции, в основном обходы квартир, ожидание, допросы свидетелей и заполнение бумаг.

Она спустилась по лестнице, вскрыла печать на двери и вошла в квартиру.

Ничего нового Ева найти и не ожидала. Здесь все было по-прежнему, за исключением тонкого слоя пыли, оставленной «чистильщиками», и специфического химического запаха, который Ева характеризовала как «почти отвратительный».

Они затащили Марту Дикенсон в самую первую комнату. Необходимости в дополнительных мерах безопасности у них не было. Окна закрыты жалюзи. Свет, конечно, виден с улицы, но то, что делается в квартире, разглядеть невозможно. Звукоизоляция превосходная. Мимо мог пройти не один десяток людей, и никто не услышал бы криков Марты.

Преступники забрали ее портфель, и это было не прикрытием, он им был действительно нужен. Он входил в их задание. Забрать рабочие документы, папки, блокноты, планшет – все, что у нее было с собой.

У женщины дома двое детей. Конечно, она не стала бы изображать из себя героиню. Собственно, ради чего? Ради каких-то бездушных чисел, ради чужих бумаг и денег? Она сразу же рассказала бы им все, что нужно, если, конечно, знала.

Марта не сопротивлялась. Но действительно ли она поверила, что нападавшие отпустят ее, если она им все расскажет, отдаст документы?

– Да, скорее всего, так и было, – пробормотала Ева, прохаживаясь по комнате. – «Расскажи нам все, отдай то, что нам нужно, и ничего страшного с тобой не произойдет».

Она поверила им, потому что выбора у нее не было.

Вошла Пибоди и принесла с собой аромат чего-то очень вкусного.

– Куриная лапша и хлеб с добавкой пряных трав. Все из местного кафетерия, приготовлено там же. Я для нас обеих взяла по двойной порции. Кармайкл тебя нашел?

– Да, нашел. Сообщил о возможном свидетеле, видевшем фургон, припаркованный перед домом. Однако точного описания этого фургона женщина дать не может – помнит только, что он темного цвета. Нужно продолжить поиски в этом направлении.

Ева взяла у Пибоди большую пластиковую тарелку с супом, понюхала, попробовала.

– Господи! Какая вкуснятина!

– Да уж. Я свой начала есть на обратном пути. От аромата чуть с ног не свалилась. Лапша почти такая же вкусная, как та, которую когда-то варила моя бабушка.

– Наверное, они добавляют туда что-то запрещенное. Но черт с ними! Вкусно!

Ева поняла, насколько вымоталась за прошедшую ночь и первую половину дня, и, только поев, почувствовала прилив новых сил.

– Они получили все, что им от нее требовалось, – сообщила она Пибоди. – Если бы Марта заявила им, что ничего не знает или что у нее ничего с собой нет, они превратили бы ее в кровавое месиво или сломали бы ей пальцы. В общем, избивали бы до тех пор, пока она не уступила бы им, или пока они не убедились бы, что она говорит правду. Преступники получили все, что им было нужно, быстро и без особого труда.

– И, несмотря на это, все равно убили ее.

– Они с самого начала собирались ее убить. Какими бы сведениями она ни располагала, что бы ни делала, злоумышленники не могли допустить никакой утечки информации от нее. Убийцы Марты связаны или с ее работой, или с владельцами этой квартиры. Или же с той фирмой, которая проводит ремонт. Мне почему-то кажется, что это владельцы дома. Их надо проверить, так же, как и компанию, занимающуюся ремонтом. Как правило, подобные компании много зарабатывают. Думаю, не ошибусь, если предположу, что аудиты у них не такая уж редкость.

С этими словами Ева попробовала хлеб.

– В него явно добавлены какие-то запрещенные ингредиенты. Пойдем побеседуем со свидетелем и его партнерами.

– Ты еще не утратила интерес к Кандиде?

– С ней я поговорю потом. В том случае, если у тебя хватит сил отыскать ее.

– Я, признаться, хорошо подзаправилась. Наверное, мне следовало бы купить целый галлон этого супа. Нет! Лучше я pošлю эсэмэску бабушке и попрошу прислать мне супа ее собственного приготовления.

– У тебя нет ни стыда, ни хитрости, – заметила Ева, на ходу поглощая свою порцию супа. – Ты должна послать ей эсэмэску, в которой напишешь, что только что попробовала суп, который ничуть не хуже, чем ее. Намекнешь, что, возможно, даже и лучше; суп, который напомнил тебе о ней и о ее супе. О том, какой он вкусный, особенно в такой холодный и мерзкий нью-йоркский денек. Она, конечно, тут же бросится готовить и отправит тебе его, чтобы доказать, что ее суп гораздо лучше.

Пибоди залезла в машину и удивленно посмотрела на Еву.

– Ты что, знаешь мою бабушку? Ведь она именно так и поступит. Ты просто гений.

– Именно поэтому я – лейтенант, а ты – нет.

– Абсолютно верно. Ты собираешься съесть весь свой хлеб?

– Да, конечно.

– Этого я и опасалась.

Пибоди вытащила ноутбук и начала поиски Кандиды Мобсли.

– По словам ее личного секретаря, сейчас она находится в городе. Мне сообщили, что сегодня времени для встреч у нее практически нет. Кстати, я не создалась в том, что я из полиции. Думаю, что если бы я это сделала, то она успела бы скрыться до нашего прибытия.

– Ну, наконец-то я дождалась от тебя хотя бы какой-то хитрости.

– Наверное, это суп на меня благотворно подействовал.

* * *

Ева приехала в центр и припарковалась на одной из стоянок. Ледяной дождь почти прекратился, зато холод усилился. Она была благодарна недавно съеденному супу, который продолжал согревать ее, когда они торопливым шагом шли по направлению к небоскребу, где размещались бесчисленные компании.

На входе она продемонстрировала охране свой жетон, назвала цель визита и проследовала к лифту.

– Даллас, существует более двух тысяч «Максима Карго» 59-й и 60-й модели с нью-йоркской регистрацией. Если мы возьмем весь штат Нью-Джерси, то эту цифру придется удвоить.

– Темного цвета. Черные, темно-синие, темно-серые.

– Я и говорю только о количестве машин темного цвета.

– Тогда выбери из них машины с отделкой салона цвета «голубая сталь». И только модели 2060.

Они проскочили восемнадцать забитых людьми этажей и подошли к висящей на стене схеме расположения офисов. «Группа WIN». Затем повернули налево и на одной из двойных дверей нашли табличку с названием компании.

– Зарегистрировано более восьмисот таких машин, – сообщила Пибоди. – В одном только Нью-Йорке.

– Проведем обычный поиск и сравним с имеющимися у нас именами. Если не найдем никаких совпадений, то расширим область поиска, – сказала Ева и первой вошла в дверь.

Скромных размеров приемная была ярко декорирована в красных, белых и желтых тонах. Жгучая брюнетка за стойкой обворожительно улыбнулась Еве и Пибоди.

– Чем могу быть вам полезна?

– Лейтенант Даллас. Детектив Пибоди.

Ева положила свой жетон на стойку.

– Значит, вы по поводу той несчастной женщины, которую Брэд нашел прошлой ночью? Вы уже поймали грабителей?

– Мы хотели бы увидеть мистера Уайтстоуна, – уходя от прямого ответа, сказала Ева.

– Да, конечно. Извините. Он был страшно потрясен. – Брюнетка поднесла телефон к уху. – Брэд? Пришла полиция. Да, лейтенант Даллас. Да, хорошо. – Она положила телефон. – Я провожу вас к нему в кабинет. Может, вам что-нибудь предложить?

После супа Еве казалось, что голод прошел у нее навсегда.

– Нет, спасибо, не беспокойтесь. Скажите, партнеры мистера Уайтстоуна на месте?

– Джейк на деловом обеде и вернется к двум часам. Роб сейчас занимается клиентом. Я сообщу о вас его секретарше на тот случай, если вы захотите с ним переговорить.

– Да, пожалуйста, если нетрудно.

Но не успели они выйти из приемной, как открылась дверь и на пороге появился сам Уайтстоун. Как и на Лоррен, на нем были свежая, сияющая белизной рубашка и костюм, казалось, сшитый гениальным портным. Однако темные круги под глазами скрыть было невозможно.

– Спасибо, Мари. Лейтенант, детектив, надеюсь, вы пришли, чтобы сообщить мне, что бандиты схвачены?

Он жестом предложил им проследовать в его небольшой, но очень милый кабинет. Широкое окно, отметила для себя Ева, удобная стойка для компьютера. Картины современных художников, аудиосистема черного цвета, пара кресел с ярко-красной обивкой для посетителей.

– Мы получили подтверждение того, что Марта Дикенсон была убита в вашей квартире...

– Что? В самой квартире?

– Дело в том, что это было не ограбление. Когда в последний раз вы заходили к себе в квартиру?

– Я... – Уайтстоун сел. – Позавчера. Я зашел туда, чтобы переговорить с бригадиром рабочих по некоторым вопросам, связанным с ремонтом.

– Его имя?

– Джаспер Милк. Компания «Милк и Сыновья». Компания существует уже давно и управляется третьим поколением хозяев. Они – настоящие мастера своего дела. И на них можно положиться. Кроме того, уходя, они всегда ставили здание на сигнализацию. У нас хорошая система оповещения.

– Да. Я смогла в этом убедиться. У кого есть коды от дверей?

– У меня... у Джаспера... у моих партнеров. Да, еще у дизайнера. Саша Кирби из «Сити Стайл». Но если этому человеку удалось взломать...

– Мы не обнаружили никаких следов взлома.

Ева видела, как меняется выражение лица ее собеседника – от удивления к пониманию и затем к решительному нежеланию соглашаться с очевидными фактами.

– Послушайте, я полностью доверяю всем людям, знающим код и имеющим доступ в мою квартиру. И я не могу представить себе, как кто-либо мог туда проникнуть без разрешения.

– Мы располагаем абсолютно неопровержимыми доказательствами, мистер Уайтстоун.

– У меня нет оснований вам не верить, но я просто ничего не могу понять. У меня в квартире установлена новейшая охранная система.

– «Брюер, Кайл и Мартини». Бухгалтерско-аудиторская фирма. В ней работала убитая. Насколько нам известно, у вас с названной фирмой имеются общие клиенты.

Выражение изумления мгновенно исчезло с лица Уайтстоуна, теперь он казался просто подавленным и даже немного больным.

– Я так с ходу и не припомню, но попрошу секретаря уточнить, однако... Если вы сможете назвать мне наших общих клиентов...

– Пибоди, дай мне список.

Та уже была наготове и протянула Уайтстоуну список общих клиентов, который ей уже удалось обнаружить.

– С этими людьми я не работаю. Вот, узнаю Эбнера Уилера. С ним работает Джейк. Корпорация «Блэксфорд» – клиенты Роба. Эти, по крайней мере, мне известны. Что касается остальных, мне нужно просмотреть бумаги и побеседовать с Робом и Джейком.

– Мы должны будем поговорить и с вашими партнерами.

– Да, конечно. Но я все равно ничего не понимаю. Зачем кому-то понадобилось воспользоваться моим ремонтируемым жилищем для того, чтобы убить эту женщину?

– Хороший вопрос, – отозвалась Ева.

Глава 5

Уайтстоун провел Еву и Пибоди в небольшой конференц-зал, извинившись за то, что не может принять их в более уютном помещении.

– Одна из причин нашего переезда в новое здание. Нам нужно просторное помещение. Мы тут постоянно что-то передвигаем и все время находимся в состоянии готовности к переезду.

– Верно. Бизнесом нужно заниматься в удобном помещении.

– Вы совершенно правы. – Лицо Уайтстоуна озарилось улыбкой. – И у нас хорошо развивающийся бизнес. Мы успешно создаем прочную клиентскую базу и одновременно укрепляем репутацию. А здание в деловой части города выглядит очень внушительно. В финансовой сфере первое впечатление значит очень много.

– Не только в финансовой сфере.

– Я пойду поищу Джейка и Роба.

– Да, конечно. Но прежде не расскажете ли коротко историю ваших отношений? Сколько времени вы являетесь партнерами?

– Официальными? Уже почти пять лет. С Робом мы учились в колледже. Первое совместное вложение в недвижимость мы с ним сделали, когда были на первом курсе магистратуры. Это были унылые торговые площади в Нижнем Вест-Сайде.

Рассказывая, он немного расслабился, и в его голосе слышалась совершенно искренняя нотка ностальгии.

– Идея принадлежала Робу, и поначалу ему было нелегко меня убедить. Я люблю деньги, – признался он и широко улыбнулся. – И люблю заключать надежные сделки, мне нравится разумный риск и вознаграждение за него. Я побаивался вкладывать средства в небольшое коммерческое помещение. Но Роб не отставал, пока не уговорил меня. И это стало самым удачным моим решением, так как с него началась наша работа в команде. Мы трудились там как проклятые, большую часть необходимого сделали собственными руками. Вот тогда я и узнал, что значит настоящая товарищеская взаимовыручка. После того как мы открыли дело и получили на нем неплохую прибыль, почти всю ее вложили в супермаркет, работали там как партнеры, потом расширили бизнес.

– Создается впечатление, что вдвоем у вас все получалось очень хорошо.

– Отлично получалось и получается. После университета я стал работать в «Прайм Файненшиэл», а он – в «Эллайд», но потом мы подумали, что неплохо было бы нам открыть свою собственную компанию. Роб познакомился с Джейком в «Эллайд», и из нас получилась замечательная компания. Мы втроем сделали еще одно крупное вложение в недвижимость и, получив неплохую прибыль, создали то, что назвали инвестиционным фондом «WIN». Работу здесь мы начинали как фонд. Дядя Джейка – он представляет «Ингерсол» в корпорации «Ингерсол – Уильямс» – передал под наше руководство одну из своих дочерних фирм, а мой отец позволил нам возглавить небольшой благотворительный траст-фонд, вот так у нас все и пошло.

– Приятно работать с друзьями, – заметила Ева. – Ну что ж, если вы сможете их найти, мы больше пока не будем вам докучать.

– Тогда я отойду на минутку. А вы, пожалуйста, угощайтесь кофе. Кофе у нас здесь превосходный.

Не исключено, подумала Ева и решила проверить это на практике, заказав автомату одну чашку для себя и одну – для Пибоди.

– Он влюблен в свое дело, – прокомментировала Ева только что закончившуюся беседу.

– Да, верно, но, если ты по-настоящему не любишь свою работу, жизнь превращается в кошмар.

– И, помимо всего прочего, он не произвел на меня впечатление кретина, кем он, несомненно, должен был быть, если бы в самом деле организовал или принял участие в убийстве, произошедшем в собственной квартире, после чего сам же обнаружил труп. – Она прищурилась, попробовав кофе. – Сорт Рорка.

– Наше собственное маленькое чудо, – заметила Пибоди.

– И бизнес у них неплохой и вполне процветающий, – снова заговорила о деле Ева.

В это мгновение вернулся Уайтстоун.

– Роб заканчивает с клиентом и сейчас придет. Джейк возвращается с официального обеда. Он скоро будет. Я вам еще нужен или могу вернуться к работе? Ко мне должен сейчас прийти клиент, но я могу перенести встречу.

– Думаю, что на данный момент мы получили от вас все, что нам необходимо.

– Хорошо. И еще одно. Возможно, моя просьба покажется вам бестактной, но я хотел бы узнать, когда рабочие снова смогут приступить к ремонту квартиры? Мне просто хочется скорректировать свои ближайшие планы.

– Мы проясним этот вопрос к концу дня, в крайнем случае завтра.

– Отлично.

– Я бы порекомендовала вам сразу же сменить коды и в будущем быть крайне осторожным, раздавая их знакомым.

– Можете на меня положиться. А вот и Роб. Лейтенант Даллас, детектив Пибоди, Робинсон Ньютон.

– Приятно познакомиться, даже несмотря на печальные обстоятельства.

Роб вошел в зал, сопровождаемый аурой абсолютной уверенности в себе и внутренней силы. Это сочетание было знакомо Еве. Им, безусловно, обладал Рорк.

Ньютон подчеркивал упомянутое впечатление прекрасно подобранным серым костюмом и рубашкой более темного оттенка того же цвета в сочетании с ярко-красным галстуком.

Под костюмом чувствовалось крепкое и стройное тело настоящего атлета, мускулистое и хорошо натренированное.

На голове у него была небольшая шапочка черного цвета, подчеркивавшая острые скулы на лице кофейного цвета. Взгляд пронизательных зеленых глаз встретился сначала со взглядом Евы, а затем Пибоди. Он протянул руку каждой по очереди, после чего жестом пригласил их за стол.

– У нас тут пока довольно спартанская обстановка, но садитесь, пожалуйста. Извините, что заставил вас ждать.

– Ничего страшного.

– Я узнал о нападении сегодня утром. Просто чудовищно, но, когда Брэд сказал, что расследованием будете заниматься вы, мне сразу стало легче. Я внимательно следил за ходом некоторых ваших дел, Ева. Я посещал премьеры фильмов, снятых по их сюжетам. Но простите, вы ведь пришли сюда не о Голливуде говорить и не о красных ковровых дорожках толковать. Чем лично я могу быть вам полезен?

– Вы имели доступ в ту квартиру?

– Да, конечно. У нас у всех есть доступ во все помещения здания.

– Не могли бы вы мне сказать, где вы находились прошлым вечером между девятью часами и полуночью?

– Могу. – Он сунул руку в карман, достал оттуда электронный блокнот, включил его и положил на стол перед Евой. – Обед с моей невестой и ее родителями в «Таверне на лужайке». Это их излюбленная традиция. Встреча была назначена на восемь, а разошлись мы в одиннадцатом часу. Мы с Лиссой поймали такси, после чего посидели с друзьями в баре «Рено», в центре. Там мы пробыли недолго. Наверное, около часа. Затем на такси вернулись домой. Дома были около полуночи. Неужели мы тоже среди подозреваемых?

– Это обычный опрос, – официальным тоном ответила Ева. – Дело в том, что жертву провели в квартиру, в которую вы имели доступ. Поэтому нам не помешает знать, где вы находились в это время. Мне нужны имена людей, с которыми вы встречались в названный период времени.

– Я попрошу секретаршу составить для вас список имен и контактов. Но мы ведь даже не знали убитую. Ведь так? – спросил он, повернувшись к Уайтстоуну.

– Лично я не знал. Но, оказывается, она работала в бухгалтерской фирме одного из твоих клиентов. У Блэксфорда.

– Она работала в «Брюер, Кайл и Мартини»? У меня трое – да, кажется, трое – клиентов оттуда. Но с ней у меня никаких пересечений не было. Я работаю с Джимом Арнольдом.

Ева вынула фотографию Марты.

– Может быть, вы все-таки когда-нибудь видели эту женщину или встречали?

– Нет, никогда. Я несколько раз обедал с Джимом и со Слаем – Сильвестром Гиббонсом, – но с этой женщиной у меня никаких дел не было.

– Я была бы вам очень признательна, если бы вы назвали мне имена тех клиентов, у которых были какие-то деловые отношения с компанией, в которой работала убитая.

– Никаких проблем. А что, разве это было не нападение уличных грабителей? Ведь в здешнем районе все наверняка знают, что здание на ремонте и по ночам пустует.

– Квартиру не взламывали, – ответила Ева.

– Может быть, рабочие, уходя, забыли запереть двери и поставить на сигнализацию? – предположил ее собеседник.

– Это совершенно исключено, – вмешался Уайтстоун.

– Всякое бывает, Брэд.

– Конечно, и такую возможность мы не исключаем, – начала Ева, но замолчала, услышав голоса.

– Это Джейк.

Уайтстоун бесшумно выскользнул из зала и несколько мгновений спустя появился снова вместе со своим вторым партнером.

– Мой клиент поднимается в лифте. Если я вам больше не нужен...

– Если вы понадобится, мы с вами свяжемся, – сухо произнесла Ева.

– Джейк Ингерсол, лейтенант Даллас и детектив Пибоди. Я буду у себя в кабинете.

– Да уж, неприятное дельце. – Ингерсол протянул руку для крепкого, энергичного рукопожатия и тяжело опустился в кресло у стола. – Надо же было такому случиться. Брэд никак в себя прийти не может.

Если Уайтстоуна окружала аура оптимизма и серьезного профессионализма, Ньютона – уравновешенности и полной уверенности в себе, то Ингерсол напоминал непоседливого щенка с быстрыми жадными глазами.

Так же, как и на его товарищах, на нем были идеального покроя костюм, безупречно подобранный галстук и туфли, сиявшие, как зеркало. Светло-каштановые волосы завитками обрамляли лицо, отчего он казался совсем юным и невинным. Однако в его карих глазах светились совсем не детские ум и проницательность.

– Кафе «Диабло», – тихо заметил Ньютон.

– Желание клиента – закон, – начал Ингерсол. – Я прихожу уже немного на взводе, добавляю пару «Диабло Локас», и у меня голова идет кругом. Я уже просто ничего не понимаю. Брэд сказал, что преступники были в самой квартире? Внутри?

– Именно так.

– У нас очень хорошая охранная система. Я ничего не понимаю.

– Мы полагаем, что у преступников был код.

Он вскочил, открыл и тут же закрыл рот и снова сел.

– Господи, Роб! Значит, кто-то из бригады Джаспера?

– Точно ничего не известно, – поспешил осадить его Ньютон.

– У вас есть какие-либо основания подозревать кого-то из участвующих в ремонте рабочих? – спросила Ева.

– Я просто рассуждаю логически. – Ингерсол снова встал и вытащил из холодильника бутылку воды. – Ведь коды были у очень немногих. Мы же, черт побери, никого не убивали!

– Джаспер со своими ребятами до того, как начал работать на этом здании, полгода ремонтировал мой дом, – заметил Ньютон. – За все время у меня пропала только одна кофейная кружка.

– Я знаю, да, знаю, и мне он тоже нравится. Очень нравится. Думаю, что на сей раз они просто забыли закрыть дверь и убийцам той женщины подвернулась пустая незапертая квартира.

Ева протянула Ингерсолу фотографию Марты.

– Вам она знакома?

– Нет... хотя подождите минутку. – Он поднес фотографию поближе. – Вроде что-то знакомое, но не могу точно припомнить, откуда.

– Она работала в компании «Брюер, Кайл и Мартини», – сказал Ньютон, опередив Еву.

– Да, да, конечно! – воскликнул Ингерсол, щелкнув пальцами. – Там я ее и видел. Мы стараемся координировать с бухгалтерами наших клиентов стратегию по налогам, инвестициям и портфелю акций. И у меня есть несколько клиентов, которые пользуются услугами названной фирмы. Я работаю с Чазом Парзарри и Джимом Арнольдом. Но встречал я ее уже довольно давно. И мельком. Господи! Я все-таки встречался с ней.

– Вы могли бы рассказать нам, где вы были прошлым вечером между девятью часами и полуночью?

На мгновение Ингерсол растерянно приоткрыл рот. Он взял со стола бутылку с водой и сделал большой глоток.

– Скажите, мы что, в числе подозреваемых?

– Это обычный стандартный опрос, – повторила Ева свое традиционное объяснение.

– Да, конечно, я был... Попробую вспомнить. – Ингерсол тоже вытащил блокнот. – У меня была короткая встреча со Стерлингом Александером из агентства недвижимости «Александр и Поуп». Он, кстати, клиент, общий у меня с Чазом. Мы встретились около половины седьмого в «Комнате голубой собаки». Разошлись мы, кажется, около четверти восьмого. Он торопился куда-то на ужин. Я допил свой коктейль, после чего с друзьями – с женщиной, с которой встречаюсь, и еще с одной парочкой – тоже отправился на ужин. В ресторан «У Луи». Ушли мы оттуда где-то около половины одиннадцатого. Затем мы с Элис вернулись ко мне. И потом все время были у меня.

– Мне нужен список имен и контактная информация, для документации.

– Да, конечно. – Он снова взглянул на Ньютона. – Все это очень странно.

– Мне также нужен список всех ваших клиентов, пользующихся услугами компании, в которой работала убитая. – Ева встала. – Спасибо за сотрудничество.

Еще некоторое время ушло на получение списков имен и контактов. Секретарша в приемной оказалась чрезвычайно болтлива.

По ее словам, она получила эту работу год назад, когда количество клиентов компании настолько увеличилось, что потребовался специальный секретарь для их приема. Руководители компании намеревались объединиться с небольшой юридической фирмой и переехать в новое здание. Они рассчитывали провести это объединение в течение года.

– Интересное сочетание, – прокомментировала Ева, когда они вышли из офиса.

– Думаю, им хорошо работается вместе. Черт, какая фигура у того парня!

– Я заметила.

– Мне нравится красивая попка Макнаба и его костлявые плечи. Но этот парень! О, мама! Но как бы то ни было Ньютон у них – лицо компании, Уайтстоун – харизма, а Ингерсол – домашняя белочка.

– Белочка?

– В колесе. Бегаёт, бегаёт непрерывно.

– Да, наверное, что-то вроде того.

– У них у всех алиби.

– Мы их проверим, конечно, но думаю, что они не врут. Мистер Мускул, который тебе так приглянулся, конечно, без труда может сломать женщине шею, но при его уме он никогда не стал бы использовать с этой целью принадлежащее ему здание. Возможно, он или Ингерсол захотели по какой-то причине слегка забрызгать грязью Уайтстоуна, но они не стали бы так марать руки. Они деловые, серьезные и разумные ребята.

– Но проверить их не помешает, – заметила Пибоди.

– Конечно.

– Ни у одного из них нет машин той модели, которую мы разыскиваем. Ни у них самих, ни у компании.

– Нужно проверить финансы Ньютона, а также их семьи, семейный бизнес.

Ева снова села за руль. Энергия, полученная от куриного супа, скоро должна иссякнуть, а нужно еще многое сделать.

– Как ты думаешь, сможем мы переговорить с Мобсли?

– Нужно попробовать.

– Только не переусердствуй.

– Я прекрасно знаю, как себя вести, – обиженно запыхтела Пибоди. – Я тоже участвовала в съемках. И была занята в сцене со звездами. И я иду на премьеру. Поэтому мне не нужно гоняться за билетом. Я иду по пригласительному.

– Да, да, конечно.

– Кстати, Мэвис говорила, что платье для премьеры, которое тебе сшил Леонардо, кислотно-красного цвета.

Ева с трудом вспомнила, что платье действительно было цвета фуксии. По крайней мере, по словам Леонардо, который мгновенно встал на сторону Рорка, когда она заявила, что у нее уже есть броские праздничные платья и ей хочется надеть что-то обычного черного цвета.

– Не понимаю, зачем так много суеты из-за какого-то фильма. Почему просто не посмотреть его, подкрепившись порцией попкорна?

– Это фильм о нас. Кроме того, – лукаво добавила Пибоди, – он очень важен для Надин.

Надин Ферст – известный репортер, популярная телезвезда и автор бестселлеров, ну, и, не в последнюю очередь близкая подруга. Здесь уж никак не увильнуть.

– То есть ты хочешь сказать, что я просто обязана пойти?

– Мы обязаны. И мы будем выглядеть фантастически. Будем общаться со знаменитостями, впрочем, мы их уже хорошо знаем. Пройдем по красной дорожке, словно настоящие звезды. Боюсь, что я не выдержу и мне станет дурно.

– Только, пожалуйста, не у меня в машине. В данный момент меня гораздо больше занимает вопрос, кто, черт возьми, убил Марту Дикенсон, а вовсе не мечты о том, как я буду стоять на каком-то идиотском красном коврике, а люди вокруг будут на меня пялиться.

Пибоди предусмотрительно решила не упоминать предпремьерный просмотр, который они с Мэвис уже продумали в мельчайших подробностях, включавших прически и макияж, которые должна была делать Трина.

Ева немного побаивалась Трины.

– Что за странное выражение лица? – спросила Ева.

– Оно означает, что я очень серьезно отношусь к расследованию убийства.

– Прекрати паясничать.

– Я абсолютно серьезна, – ответила Пибоди и с облегчением вздохнула, услышав, что у Евы зазвонил телефон, встроенный в приборную доску автомобиля.

– Лейтенант. – На экране появилась физиономия детектива Кармайкл. – Мы закончили обыск в квартире жертвы. Ничего необычного. Мы также обыскали ее машину. То же самое. Макнаб просмотрел все их электронные устройства. Ни-че-го. Ноль.

– Как я и предполагала. В настоящее время мы пытаемся получить ордер на просмотр документов, с которыми она работала, и списка клиентов.

– Макнаб говорит, что какие-то рабочие бумаги лежат у нее дома.

– Ах вот как? – Ева улыбнулась. – Забирайте их. Ордер на обыск разрешает вам это. Пусть Макнаб скопирует абсолютно все. Ну а потом вы с Сантьяго найдите некую Сашу Кирби, дизайнера в компании «Сити Стайл», и побеседуйте с ней. Она занималась дизайном квартиры, в которой было совершено убийство, и имела доступ в нее. – Ева взглянула на часы. – Потом я хотела бы, чтобы вы проверили несколько алиби.

– Все поняли.

Ева повернулась к своей спутнице.

– Пибоди, свяжись с судьей Янг и сообщи ей, что наша работа в квартире жертвы закончена. Узнай, как обстоят дела с получением ордера. Здесь у нас, кажется, намечился кое-какой прорыв. В документах, которые нашли у нее дома, возможно, есть что-то существенное.

* * *

«Сегодня у меня день пентхаусов и Верхнего Ист-Сайда», – решила Ева. И на сей раз у нее не было другого выбора. Либо снова идти на унижительный таран охраны, либо терять драгоценные минуты на ожидание посреди белоснежно-золотого вестибюля, до отказа забитого тропическими растениями в кадках. Она предвидела неизбежную стычку и перепалку с охранниками. Однако, как ни странно, полицейских сразу же вежливо пропустили.

– Я думала, Мобсли пошлет нас подальше, – призналась Ева, когда они поднимались в лифте.

– Возможно, ей стало интересно. Или она действительно виновна в преступлении. Если верить телеканалу светских сплетен, она постоянно находится в одном из двух упомянутых состояний.

– Вот почему я и думала, что она пошлет нас подальше.

Недоуменно поведя плечами, Ева вошла в фойе, оформленное в сапфирово-голубом и изумрудно-зеленом тонах. Еще больше цветов в высоких белоснежных вазах, окруженных свечами в человеческий рост.

Открылись широкие двери синего цвета, и перед посетительницами предстал до предела высветленный блондин, одетый во все черное. По количеству сережек в ушах он мог посоперничать с Макнабом.

– Проходите, пожалуйста. Кандида сейчас придет. Сегодня мы угощаем гостей чаем с кошачьей мятой.

– Спасибо, обойдемся.

– Если пожелаете. Тогда я приготовлю что-нибудь другое.

Мобсли жестом пригласила их в обширное помещение, производившее впечатление небольшого дворца в снежную бурю. Все вокруг было белым: диваны, столы, ковры, лампы, подушки. Цветовое разнообразие вносил только портрет на стене – однако тоже в белой раме, – изображавший хозяйку квартиры обнаженной на белоснежной постели. Резким контрастом с ледяной белизной комнаты смотрелись ее роскошные золотистые волосы и ярко-алые губы.

Даже шторы на окнах были того же призрачно-белого цвета, поэтому возникало ощущение, будто город за окном парит над землей среди облаков.

Смотрится немного жутковато, подумала Ева.

Но вот среди бесконечных «сугробов» что-то зашевелилось. На некоем подобии дивана потянулся большой белый кот. Его глаза сверкнули ярко-зеленым. Он внимательно рассматривал гостей, лениво помахивая хвостом.

Ева любила кошек. У нее был и свой кот. Но от вида этого животного, так же, как и от всей комнаты с окнами, затянутыми белесым туманом тюля, по телу пробежали мурашки.

– У нас сегодня пост, поэтому из еды я не могу вам ничего предложить. Кофе сегодня тоже под запретом. Однако у нас есть прекрасная вода, изготовленная из снега с вершин Анд.

– Это будет просто великолепно! – воскликнула Пибоди, прежде чем Ева успела в очередной раз ответить отказом.

– Чувствуйте себя как дома.

– Всегда мечтала попробовать вкус воды, изготовленной из андских снегов, – призналась Пибоди, когда блондин в черном удалился.

– Могу поспорить, что на вкус она такая же, как любая другая вода. Как ты думаешь, в таком месте можно жить?

– Знаешь, у меня уже голова разболелась. И глаза тоже. Потому что постоянно приходится моргать и напрягать зрение, чтобы разглядеть, где что находится. О господи, это не кот.

– Что? – Ева оглянулась. – Нет, не просто кот. Может быть, лев небольшого размера, но... Или тигр, или...

– Детеныш белой пантеры.

В комнату бесшумно проскользнула Кандида, босая, в белом свитере, домашних белых брюках и с ослепительно сверкающими белыми бриллиантами. Ее волосы, волной спадавшие на плечи, поражали своей красотой не меньше бриллиантов.

– Дилайла. – Проходя мимо, она погладила белое существо на диване. – Эстон готовит вам чай?

– Воду, – поправила ее Ева. – Мы вам очень признательны, что вы нашли для нас время.

– Ах, оставьте! – Кандида рассмеялась, царственным движением руки отмахнувшись от их любезности, и улеглась на широкий изогнутый белый диван, практически слившись с ним. – Я провожу много времени в беседах с полицейскими, ну, или этим занимаются мои адвокаты. Я много слышала о вас, и возможность лично познакомиться с вами меня заинтересовала. Но я представляла вас значительно старше.

– Старше кого?

Кандида снова рассмеялась.

– Я собираюсь на премьеру вашего фильма.

– Это не мой фильм.

– Мне нравятся премьеры. Никогда не знаешь заранее, кого ты там можешь увидеть и кто может увидеть тебя. Никогда не знаешь, что может там произойти, ну, и, конечно, огромное наслаждение мне доставляют совершенно идиотские наряды некоторых наших дам. Мне говорили, что платье для вас шьет Леонардо.

– К сожалению, я пришла к вам не для того, чтобы обсуждать мой гардероб.

– Очень жаль. О нарядах я могу говорить часами. А вот и Эстон. Покорми Дилайлу, пожалуйста.

– Да, конечно.

Он поставил чай на столик рядом с Кандидой, а поднос с двумя стаканами воды – рядом с Евой и Пибоди.

– Итак, что же вас привело ко мне? У меня очень мало времени. На сегодня я назначила несколько встреч.

– Прошлой ночью была убита Марта Дикенсон.

Кандида вытянула руки и откинулась на подушки.

– Кто такая Марта Дикенсон? И какое отношение это имеет ко мне?

– Это бухгалтер, проводившая аудит вашего трастового фонда. Та, которой вы угрожали.

– Ах, она...

– Да, именно она.

– Если кто-то и убил ее, меня это не касается.

– Неужели?

– Да. Я спрашивала Тони, и он сказал, что они все равно найдут кого-нибудь еще, кто продолжит этот долбанный аудит. Но, может быть, кто-то другой не будет так сволочиться.

– Кто такой Тони?

– Тони Гринблат. Мой финансовый менеджер.

– Он член совета фонда?

Кандида издала грубый звук, свидетельствующий о том презрении, которое она ко всему этому испытывала.

– Нет, он к тем скрягам-старперам отношения не имеет. Он – мой личный финансовый менеджер и адвокат. Один из адвокатов. Он работает над тем, чтобы выбить мои деньги из моего же фонда.

– Значит, насколько я поняла, Тони сказал, что убийство Марты Дикенсон вам особой пользы не принесет?

– Да. Нет! – Кандида недовольно нахмурилась и приподнялась на подушках. – Вы пытаетесь меня запутать. Но я не такая уж дура, знаете ли.

«Нет, – подумала Ева, – *просто* душой тебя назвать нельзя, ты дура *исключительная*».

– Почему вы спрашивали его о ней?

– Ну, она же мертва, верно? И я подумала, что, возможно, ее смерть мне будет выгодна. Однако Тони сказал, что я ничего не выигрываю, поэтому...

Она раздраженно пожала плечами и сделала глоток чая.

– Если вы не знали ее, как только что утверждали, то почему вы спрашивали о ней Тони?

Брови Кандиды сошлись, свидетельствуя о напряженной работе мысли.

– И что из того, что я ее знала?

– А то, что вы солгали офицеру полиции в ходе расследования убийства. И, если вы солгали по поводу такой элементарной вещи, значит, я могу заключить, что и о более существенных вещах вы будете говорить мне неправду. К примеру, о том, организовали вы убийство Марты Дикенсон или нет.

В порыве ярости Кандида с громким стуком поставила белую чашку на белый стол.

– Я не лгала.

– Вы угрожали ей. И не просто угрожали, а преследовали угрозами в телефонных звонках, запугивали. Она же требовала от вас прекратить подобное недопустимое поведение, в противном случае обещала поставить в известность попечителей фонда и судебные органы. И вот она мертва.

– Ну и что? Что из этого? – почти выкрикнула Кандида. – Я могу говорить то, что мне хочется. Никакой закон не может мне этого запретить.

– Вы ошибаетесь.

– У нас в стране есть свобода слова. Я точно не помню, кажется, Пятая поправка и тому подобное. Если вы не в курсе, то проконсультируйтесь!

– Я, несомненно, последую вашему совету, – процедила сквозь зубы Ева. – Но раз уж мы заговорили о правах, то позвольте мне напомнить ваши, чтобы всем все было понятно.

Пока Ева зачитывала ей права, Кандида напоминала маленькую рассерженную девочку.

– Как будто я всего этого не знаю! – раздраженно выдохнула она.

– Повторение не повредит. Теперь вы знаете все свои права и обязанности. Итак, почему же вы не сообщили нам того, что сказали миссис Дикенсон, когда в общении с ней реализовывали свое понимание конституционных прав?

– Про что это вы?

– Изложите нам, пожалуйста, свою версию разговора с Мартой Дикенсон.

– Господи, почему же вы сразу об этом не попросили? Единственное, что я у нее просила, – отвязаться от меня. Речь шла о моих деньгах. С какой стати я должна всякий раз выпрашивать свои собственные деньги у разных там скупердяев? И я с ней разговаривала вполне приличными выражениями. Я ей даже цветы посылала. Пообещала ей десять тысяч, если она сделает все так, как мне нужно. Десять тысяч не такая уж маленькая сумма для какой-то там бухгалтерской крысы.

– Вы хотите сказать, что предложили миссис Дикенсон подделать финансовые документы в вашу пользу, за что пообещали ей десять тысяч долларов?

– Да, конечно. Я же порядочная женщина. А она почему-то из-за всего этого разозлилась на меня. Ну что ж, сказала я ей тогда: ладно, хорошо. Пусть будет двадцать тысяч. А она мне: я сообщу о вас прокурору! И понесла всякую прочую гадость.

– Пибоди, ты воспользуешься своими наручниками или дать мои?

– Могу своими.

– О чем таком вы там говорите? Не подходите ко мне! – Кандида вскочила. – Эстон!

– Миссис Мобсли, вы только что сознались в том, что предлагали взятку Марте Дикенсон в сумме двадцати тысяч долларов в обмен на подделку финансовых документов, проходивших аудит. Это очень серьезное преступление.

– Нет!

– Советую вам проконсультироваться у своего адвоката, – предложила Ева в ту самую минуту, когда в комнату влетел Эстон. – Оставайтесь на месте, уважаемый, если не хотите, чтобы вас задержали и предъявили обвинение в оказании сопротивления полиции.

– В чем дело? Что тут происходит?

– Они заявляют, что могут арестовать меня за то, что я просто хотела по-человечески поступить с той покойной идиоткой-бухгалтершей. Я призналась им, что хотела дать ей денег.

Эстон, явно стоявший на более высокой ступеньке эволюционной лестницы, чем Кандида, закрыл глаза и простонал:

– О, Кандида!

– В чем дело? В чем проблема? Это мои деньги. И я просто хотела с ней поделиться.

– Лейтенант, прошу вас, пожалуйста, Кандида просто не понимала всех последствий своего поступка. Подождите немного. Всего минутку. Я свяжусь с ее адвокатом. Он приедет сейчас же.

– Нет, вначале мы попробуем другое. Чистосердечно признайтесь нам во всем, абсолютно чистосердечно. Отвечайте на наши вопросы искренне, мы хотим слышать только чистую правду, а там посмотрим.

– Да-да, конечно, конечно. Кандида, нужно ответить на вопросы лейтенанта. Нужно сказать всю правду.

– Но я уже все сказала!

– Отвечая на мой первый вопрос, вы солгали. Попробуйте ответить еще раз.

– Я просто вначале не узнала ее имя, вот и все.

– Пибоди, готовь наручники.

– Ну, хорошо, хорошо. О господи! Ну, я просто попыталась разыграть из себя дурочку. Но ведь ничего страшного не произошло. Ведь я же призналась, что знала ее, не так ли?

– Вы угрожали ей.

– Возможно, я когда-то и нагрубила ей. Но я была расстроена. Члены попечительского совета – вот кто настоящие подонки. И мой дед, он – самый настоящий скупердяй. И мои родители, потому что...

– Меня не интересуют ни члены попечительского совета, ни ваш дедушка, ни ваши родители, хотя, признаться, мне их всех очень жаль. Меня интересует только Марта Дикенсон.

– Я ничего не делала. Просто сказала, что дам ей денег в знак благодарности. Мол, делаете то, о чем вас прошу, и я вам заплачу. Я ведь очень многим плачу за очень многое.

– Лейтенант... – начал Эстон.

– Спокойно! – Ева почувствовала какое-то знакомое ощущение в ногах, опустила глаза и увидела, что у ее ног трется детеныш пантеры. Ей стало немного не по себе. – Вы несколько раз звонили ей и угрожали.

– Но я же была страшно расстроена! Я так хорошо к ней относилась вначале, хотела ей угодить. А она как ко мне отнеслась? Как самая настоящая стерва. Ну, тогда и я ответила ей тем же.

– Вы говорили ей, что она пожалеет о том, что не согласилась на ваши условия?

– Конечно, говорила. Я знаю людей, которые могли бы заставить ее пожалеть об этом.

– Вот как?

Ева продолжала свой допрос, а Эстон тихо стонал, слушая ответы Кандиды.

– И я тоже над этим работала. Старые скупердяи хотят, чтобы я делала разумные инвестиции. Поэтому я планировала купить ту идиотскую организацию, в которой она работала. И тогда я бы точно ее уволила.

– Значит, в ваши планы входило приобрести фирму и уволить Марту Дикенсон?

– Да, именно так! Тони мне заявил, что они не собираются ее продавать, но я ему ответила, что не собираются, пока им не предложили хорошую сумму. Тогда он – Тони – сказал, что, даже если они и продадут фирму, всякие там идиотские суды найдут другую фирму для своего чертова аудита. Но для меня это был вопрос принципа. У меня же есть свои принципы, как и у любого человека.

– И, возможно, кроме принципов, у вас были связи с людьми, которые могли хорошенько припугнуть Марту Дикенсон? Немного помять ее, как говорится.

– Э? Вот так? – Кандида сделала вид, что собирается кого-то слегка побоксировать. – Да бросьте! – Она нервно рассмеялась. – Если бы я хотела, я бы сама ее так отделала, что родные не узнали бы. Но если я с кем-то подерусь в течение ближайших восьмидесяти дней, меня опять отошлют на идиотские курсы укрощения гнева, а на свете нет ничего скучнее, чем эти курсы. Возможно, она жутко разозлила не только меня, но и кого-то еще. У меня сразу появилась такая мысль, когда я услышала, что ее убили. Тот, кто занимается чужими деньгами, рано или поздно обязательно настроит кого-нибудь против себя.

Когда детеныш пантеры попытался взобраться по ноге Евы к ней на колени, она рассеянно почесала его за ухом, а потом оттолкнула. Когда четвероногая Дидайла отошла, потянулась, а потом свернулась клубком на ковре, Ева поняла, что мозгов у животного больше, чем у ее хозяйки.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Хорошо то, что мы получили нужную на данный момент информацию. Если нам понадобится, мы с вами свяжемся.

Эстон судорожно сжал руки.

– Мне следует позвонить адвокату?

– Пока не надо. Посылать цветы можно, и это даже похвально. А вот давать взятку нельзя, – назидательно сказала она, обращаясь к Кандиде. – Запрещено законом. Постарайтесь это запомнить. Пибоди, пошли!

Войдя в лифт, Ева громко выдохнула.

– И какой вывод?

– Я думала, что она будет хитрой и коварной. Мне казалось, что при таких-то деньгах она должна быть умной женщиной. Но она тупа, как бревно. И, наверное, еще тупее. Нет, она действительно слишком глупа, чтобы всерьез организовать чье-то убийство. Боюсь, что если бы Кандида действительно его организовала, то она бы нам тут же в этом созналась, как созналась в предложении взятки.

– Согласна. Купить целую фирму, чтобы иметь возможность уволить аудитора. – Ева покачала головой. – Потому что у нее, видите ли, есть принципы.

– И ее права по Пятой поправке, или как она их там называла.

– Ей следовало бы упираться на это, а не изобличать себя в предложении взятки.

– Но ведь она же просто пыталась угодить бухгалтерше.

Ева не смогла удержаться от смеха.

– Ну а как тебе понравилась вода с андских ледников?

– Слишком *талая*.

Глава 6

Прикинув время, которым они сейчас располагали, Ева решила послать Пибоди допросить Джаспера Милка. Самой Еве нужно было еще раз переговорить с Альвой Муни. Подружка Уайтстоуна и вторая основная свидетельница могла многое рассказать о всех трех членах партнерства.

Она застала Альву дома, на сей раз не в пентхаусе, а в очаровательном особняке из красного кирпича в Верхнем Вест-Сайде.

Еве понравилась охрана, предельно вежливая и проворная. Прошло меньше минуты, и дверь ей открыла босоногая Альва в изящном коротком платье лилового цвета.

– лейтенант Даллас, вам повезло, я только что пришла с работы.

– С работы?

– Я работаю в одной некоммерческой организации. Это семейное предприятие. Проходите.

Вестибюль был декорирован примерно в тех же лиловых тонах, что и платье Альвы. На полу – геометрический узор из плиток. Альва провела Еву по вестибюлю и повернула налево, в просторную гостиную с высоким потолком, которая по стилю была чем-то средним между гостиной Дикенсонов и Кандиды. Хозяйка в средствах не ограничена, сделала вывод Ева, окинув взглядом картины, ткани, антиквариат. И любит уют – мягкие подушки, приятные цвета, огонь в камине.

– Я собиралась выпить вина. Очень устала за день. Составите мне компанию?

– Спасибо за предложение. Не хочу вам мешать.

– Сисси все приготовит. Моя экономка, – пояснила Альва. – Когда-то она была моей няней, но и теперь продолжает заботиться обо мне. Садитесь, пожалуйста. Я знала, что рано или поздно вы ко мне зайдете. Вы выяснили, что произошло с той бедной женщиной?

– Мы проводим расследование.

– Брэд звонил мне примерно час назад. – Альва села. – И сказал, что вы приходили и беседовали с ним и с его коллегами. Вы сообщили им, что она, по вашему мнению, была убита в самой квартире. И что это было преднамеренное убийство. Предполагается, что за ней охотились.

– Ну, вот, спасибо Брэду, мне не нужно вам ничего объяснять. Он сэкономил нам время.

– Вы полагаете, что он нарушил какие-то правила?

– Нет, все в порядке. – Ева подняла глаза и увидела высокую привлекательную брюнетку, та вошла в комнату с подносом, на котором стояли бутылка красного вина, два бокала и небольшая тарелка с сыром и фруктами.

– Спасибо, Сисси. Это лейтенант Даллас. Сисели Морган, мой большой друг.

– Приятно познакомиться. – У Сисели был акцент настоящей британской леди. – Вам налить вина?

– Вообще-то я на службе, но все равно спасибо.

– В таком случае, может быть, кофе? Или чай?

– Благодарю вас, не беспокойтесь.

– Ну что ж, не буду вам мешать.

– Сисси, присядь и выпей со мной, если лейтенанту Даллас запрещают это ее инструкции. Вы не против? – Альва повернулась к Еве. – Я уже все рассказала Сисси.

– Я не против. И зашла к вам только для того, чтобы уточнить некоторые детали. Мы не могли бы немного поговорить о ваших отношениях с Брэдли Уайтстоуном?

– Мы познакомились с ним несколько недель назад на одной благотворительной вечеринке. Он ухаживает за мной. – Альва улыбнулась, наливая вино в два бокала. – Он очень обаятельный. У него всегда полно новых, свежих идей.

– То есть у вас с ним нет близких отношений?

– Пока ничего определенного. Мне он нравится, но я стараюсь быть осторожной, не делать тех ошибок, которые у меня случались в прошлом. Правда, Сисси? – Она похлопала экономку по руке, и та ответила ей сдержанной улыбкой.

– Вы были молоды и немного упрямы.

– Немного? – Альва откинула голову на подушку дивана и рассмеялась. – Сисси просто чересчур тактична. В недалеком прошлом я прошла через период настоящих безумств. Клубы, клубы и снова клубы, вечеринки, мужчины. И даже парочка женщин. Я швыряла деньги направо и налево. Потом у меня был жуткий роман с очень плохим человеком. Я пережила из-за него немало страшных минут. Короче говоря, он избил меня до бессознательного состояния, изнасиловал, потом снова избил. Он украл мои вещи, вышвырнул меня, обнаженную, из моей собственной квартиры. Если бы одна из соседок не услышала мои крики, не впустила бы меня к себе и не вызвала бы полицию, я не знаю, чем все могло закончиться.

– Его арестовали?

– Да. Потом был отвратительный судебный процесс. Для меня он стал не меньшим испытанием, чем для него. Меня очень поддерживали моя семья и Сисси. Даже несмотря на всю ту боль, которую я им причинила.

– Я ничего не слышала о том, что вы говорите.

– Это было не здесь. Тогда я жила в Лондоне. Я перебралась туда примерно четыре года назад. Сисси поехала вместе со мной, чтобы заботиться обо мне. Потом я прошла курс психотерапии и возвратилась домой. Вернулась я совершенно другим человеком, гораздо лучшим.

– Вы вернулись домой тем, кем вы были всегда, – поправила ее Сисси. – Просто на какое-то время вы утратили себя.

– И я не хотела снова себя потерять, поэтому попросила Сисси приехать сюда вместе со мной и пожить у меня. Она – мой настоящий жизненный компас. Я купила этот дом и сейчас хочу «отработать» свое выздоровление. Вот и вся история моей жизни, если вкратце.

– У вас очень милый дом. В нем чувствуется... удовлетворенность жизнью.

– Спасибо, именно такое чувство мне и хочется испытать.

– Я только что побывала в доме, который вызывает, пожалуй, противоположные ощущения. Вы знаете Кандиду Мобсли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.